

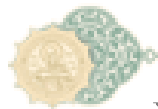
Изъ исторіи поповщинскаго раскола.¹⁾

Болѣе положительнымъ и практичнымъ путемъ въ вопросѣ о „проискѣ“ старообрядческаго архіерейства пошли представители Вѣтковской поповщины въ первой и второй половинѣ XVIII вѣка. Пользовавшіеся сравнительно съ прочими русскими раскольниками болѣе свободой и безопасностью, а потому имѣвшіе и болѣе возможности и удобства обсудить свое положеніе, они также пришли къ мысли о необходимости имѣть своего самостоятельнаго старообрядческаго епископа, чтобы сохранить „древніе рукоположенныхъ обычаи“ и установить подобающій церковный порядокъ. Весьма естественно, что къ этимъ общимъ соображеніямъ у Вѣтковскихъ поповцевъ примѣшивалось и другое, болѣе частнаго характера, соображеніе: они хотѣли прочнѣе обставить и утвердить силу и вліяніе своей Вѣтки среди русскаго старообрядства справедливо полагая, что если въ ней поселится старообрядческій епископъ, то она будетъ вліятельна и богата и займетъ среди старообрядчествующаго русскаго міра господствующее положеніе.

По свидѣтельству историка стародубскаго поповщинскаго раскола Ивана Алексѣева, первая попытка Вѣтковцевъ пріобрѣсть себѣ епископа относится къ 1730—1731 г., когда они порѣшили отыскать себѣ архіерея не въ предѣлахъ православной Россіи и не у Грековъ, а въ Яссахъ, у Молдавлахійскаго митрополита. Есть, однако, нѣкоторыя основанія относить первую попытку Вѣтковцевъ къ отысканію себѣ епископа въ Яссахъ и къ болѣе раннему времени, чѣмъ къ 1730—1731 г., указываемому Иваномъ Алексѣевымъ. Такъ есть извѣстіе, что въ 1722—1723 гг. „по совѣту всѣхъ раскольниковъ, которые обрѣтаются за границу, ѣздили въ Турецкую землю, а именно: изъ слободы Вылева, которая

¹⁾ См. Труды Кіевск. Дух. Академіи, май, 1909 г.

при самой границѣ, раскольниковскіе четыре человека: Яковъ Григорьевъ, Тимофей Аонасьевъ, Дмитрій Тимооосевъ и Степанъ Ефремовъ, а иные съ Вѣтки и изъ монастыря, по совѣту всѣхъ же тамошнихъ жителей. А за какимъ оныя дѣломъ ѣздили, того невѣдомо“. Такое извѣстіе привезъ Стародубскому православному миссіонеру, іеромонаху Іосифу Рѣшилову, обратившійся изъ раскола Иванъ Вѣляевъ, котораго Рѣшиловъ посылалъ въ 1724 г. „за-границу, въ Польшу, на Вѣтку, ради свѣдомства раскольниковъ“ (см. Доношеніе Г. Рѣшилова Св. Синоду, отъ 3-го ноября 1724 г. Полн. собр. постан. и расп. по вѣд. м. правосл. исп. Росс. Имп., т. IV, № 1376, 239). Правда, въ этомъ извѣстіи нѣтъ прямого указанія, зачѣмъ эти раскольниковскіе учителя изъ Вылевоу слободы и съ Вѣтки ѣздили въ турецкую землю. Но, принимая въ соображеніе, что Вылева слобода въ то время была центромъ Діаконовщины, а Вѣтка со своимъ монастыремъ—центромъ собственно Вѣтковскаго бѣлопоповщинскаго согласія, и что Діаконовцы и Вѣтковцы въ то время только въ вопросѣ о „проискѣ“ архіерейства и были солидарны между собою, во всемъ же остальномъ смотрѣли другъ на друга какъ на еретиковъ, или, по выраженію современника, „междуусобныя брани воздвизаше, въ Еллина другъ друга вмѣняше“, можно не безъ основанія съ этимъ совмѣстнымъ участіемъ Вѣтковцевъ и Діаконовцевъ связывать и намѣченную нами цѣль. Кромѣ того, въ извѣстномъ раскольниковскомъ сочиненіи объ учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи, написанномъ въ 1861 г. и весьма распространенномъ между поповщинскими старообрядцами, прямо и рѣшительно утверждается, что первый попытки отыскать себѣ епископа были у старообрядцевъ въ царствованіе Петра I, и что для того они обращались въ Молдавію и Грецію. Сочиненіе это озаглавляется такъ: „Сказаніе вкратцѣ о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей древнеправославной церкви священной іерархіи и увѣреніе въ дѣйствительности оной сомнѣвающихся“.

Вышеуказанное утверждение „Сказанія“, что первыя попытки отыскать собѣ епископа были у Вѣтковскихъ старообрядцевъ въ царствованіе Петра I и что для того они обращались въ Молдавію и Грецію, подтверждаются недавно обнаруженными новыми документальными данными, относящимися именно къ царствованію Петра Великаго. Въ 1906 г. профессоръ П. С. Смирновъ въ приложеніяхъ къ своей статьѣ: „Первыя попытки раскольниковъ пріобрѣсти архіерея“ (Христ. Чт. 1906 г., июль, стр. 41—78)—помѣстилъ „Прошеніе Вѣтковскихъ поповцевъ Молдавскому Господарю Григорію Гикѣ“ по рукописи Имп. Публ. Библ. О. I. 489, лл. 85—90. Здѣсь прошеніе имѣетъ такую надпись: „Вторая изъ Ясѣ послана. Копія сія получена изъ Молдавіи, въ столичномъ градѣ Ясѣхъ, отъ дому Господарскаго“. Прошеніе помѣчено 13-мъ февраля 1731 года. Въ этомъ прошеніи Вѣтковцы говорятъ, что вѣкогда съ просьбой рукоположить епископа они обращались къ Іерусалимскому патріарху Хрисану (1707—1730 гг.), и что патріархъ, произведя соответствующее разслѣдованіе, совершить епископскую хиротонію „обѣщалъ“, хотя до дѣйствительнаго осуществленія обѣщаніе это и не дошло. По словамъ этого Вѣтковского прошенія, патріархъ Хрисанъ пріѣзжалъ тогда въ Молдавію и здѣсь въ „столичномъ градѣ“ Яссахъ „свидѣтельствовалъ вѣру“ Вѣтковцевъ „въ дѣйствѣ Божественнаго припошенія отъ священника нашего іеромонаха *Иванія*“, и напечатъ, что „вѣра у насъ православная содержится и древнимъ греческимъ обычаемъ согласная. Того ради въ содержимой вѣрѣ нашей истину усмотривъ, людемъ нашимъ вселенскій п. Хрисанъ, ко исполненію благочестія, у насъ содержащагося, епископа посвятити тогда обѣщалъ“. Въ данномъ случаѣ нѣтъ никакого указанія на дату о времени переговоровъ Вѣтковцевъ съ іерусалимскимъ патріархомъ въ Молдавіи; неизвѣстна она и изъ другихъ источниковъ; но фактъ остается фактомъ, что по вопросу о „провискѣ“ для себя епископа Вѣтковцы обращались и ранѣе извѣстнаго

обращенія къ Ясскому митрополиту Антонію, и обращался именно къ Іерусалимскому п. Хрисану, когда на Вѣткѣ начальствующимъ духовнымъ лицомъ былъ іеромонахъ Игнатій. Послѣдній, по „Лѣтописи Вѣтковской церкви“ Ик. Ст. Вѣляева, былъ припятъ еще знаменитымъ Θεодосіємъ, духовнымъ устроителемъ Вѣтки, и былъ третьимъ ея настоятелемъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о патріархѣ Хрисанѣ и его дѣятельности въ качествѣ русскаго политическаго агента въ петровское время см. въ сочиненіи проф. Н. Калтерева: „Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ“. Православ. Палестинскій Сборникъ. Т. XV, вып. I, стр. 374—418.

О сношеніяхъ патр. Хрисанова съ русскими старообрядцами свидѣтельствуется и сохранившаяся переписка патріарха съ русскимъ константинопольскимъ посломъ барономъ Шафировымъ. Переписка эта относится къ маю 1713 г. и состоитъ изъ письма патріарха къ Шафирову и отвѣтнаго письма послѣдняго. Патріархъ, какъ политическій агентъ русскаго правительства, сообщать послу о многихъ матеріяхъ, но болѣе всего сосредоточивалъ вниманіе русскаго сановника на проискахъ русскихъ „отступниковъ“, возбуждавшихъ предъ нимъ ходатайство о какой-то „хиротоніи“, и считалъ нравственнымъ своимъ долгомъ противоdѣйствовать осуществленію ихъ намѣренія. „Возлѣзненно мнѣ“, — писалъ патріархъ послу, — „что, какъ вижу, не знаете, какія намъ вещи воспослѣдовали прошлаго году о *прощеніи вашихъ отступниковъ* и какой подвигъ и трудъ мы подъяли и сколько противностей, чтобъ не дать имъ прощенія, къ чему насъ многообразно принуждали господа наши, и чтобъ *иному не быть хиротонисанну въ мѣсто старой обители*, о чемъ зѣло проискивали...“ Оказывается, такимъ образомъ, что на сторонѣ отступниковъ стояли и высшія турецкія власти, такъ что патріарху приходилось давать объясненія и тогдашнему великому визирю Юсуфъ-Пашѣ, и говорить, что просимое

противно вѣрѣ христіанской и никакимъ образомъ не можетъ ыть учинено. „И я самъ говорилъ прежде бывшему ико-
ому П. П. (на полѣ замѣчено: „Юсуфъ-Пашѣ“), чтобы насѣ
тъ томъ не принуждали, понеже есть противно вѣрѣ нашей
ни по какому образу того учинить невозможно, кромѣ
олько ежели похотятъ, то насѣ да умертвить...“ Такой по-
итки относительно русскихъ „отступниковъ“ патріархъ
бѣщался держаться и впредь. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ
Пафирову, что если „отступники придутъ или въ церковь,
или къ намъ, то невозможно, чтобы ихъ не принять, какъ
и учинилось. Понеже они пришли съ указомъ, то мы не
можемъ учинить иначе“. заявляя при этомъ, что онъ, въ
дѣлахъ „обращенія отступниковъ къ соборному ихъ па-
тырю“, считаетъ полезнымъ „искусить“ ихъ, искренни ли
они въ своемъ „намѣреніи“. Многое въ этомъ письмѣ па-
тріарха остается неяснымъ, напримѣръ, кто были эти про-
шители — „отступники“ и о какой хиротоніи они просили —
епископской или іерейской, какъ и то, почему онъ соб-
ственно отказалъ имъ. Не выясняется дѣло и изъ отвѣтнаго
письма Шафирова, одобряющаго, однако, образъ дѣйствій
патріарха по отношенію къ просителямъ — „отступникамъ“ и
обѣщающаго донести, кому слѣдуетъ, что онъ дѣйствовалъ
въ интересахъ и видахъ русскаго правительства. Одобреніе
Шафировъ высказываетъ и относительно намѣренія па-
тріарха „искусить отступниковъ“ въ искренности ихъ на-
мѣреній, примѣняя этотъ искусъ не къ одному только
„главѣ“ ихъ, но и къ „знатнѣйшимъ его соклевретамъ“. Гакъ какъ дѣло идетъ по видимому о намѣреніи отступни-
ковъ возвратиться въ Россію, то Шафировъ находитъ воз-
можнымъ испросить имъ прощеніе собственно за полити-
ческую измѣну, упоминая при этомъ и о „возмущеніи“, ко-
торое чинятъ „отступники“ противъ „благочестія“.

Въ письмѣ патр. Хрисанѣа заслуживаетъ особеннаго
вниманія то мѣсто, въ которомъ говорится, что отступники

„дѣло проекивали“, чтобъ „иному не быть хиротонисанну въ мѣсто старой обители“, кромѣ, очевидно, намѣченнаго ими кандидата. Но кто же этотъ намѣченный кандидатъ и какая это „старая обитель?“ Въ указанной перепискѣ нѣтъ отвѣта на эти вопросы, и только лишь сопоставленіе данныхъ этой переписки съ данными другихъ источниковъ даетъ нѣкоторую возможность подойти къ разрѣшенію этихъ вопросовъ. Дѣло въ томъ, что ни о какой старой раскольниковской обители ни въ предѣлахъ Турціи вообще, ни въ частности въ предѣлахъ Молдавіи и Валахіи рѣчи быть не можетъ, такъ какъ таковой тамъ не было и въ позднѣйшее время. Изъ положительнаго свидѣтельства „Лѣтописи Вѣтковской церкви“ Як. Ст. Бѣльева видно, что „исправленные поны“ посылались въ Волощину съ Вѣтки до первой Вѣтковской выгонки, т. е. до 1735 г. Такъ, по словамъ лѣтописца, туда былъ посланъ исправленный на Вѣткѣ бѣглый попъ Іоакимъ, въ монашествѣ Іяковъ, который, „по приятиі едину литургію отслуживши, посланъ къ христіанамъ въ Волохи, котораго туды и требовали“ (дл. 23 об. 24 и др.). Это было приблизительно въ концѣ второго или началѣ третьяго десятилѣтія XVIII в. Въ тоговременныхъ источникахъ ни о какихъ обителяхъ и не упоминается, а тѣмъ болѣе о какой-либо старой, каковой тамъ и не могло быть за недавнимъ поселеніемъ русскихъ раскольниковъ въ предѣлахъ Молдавіи, какъ показываетъ „Сказаніе о старообръцахъ, живущихъ въ землі Молдавской...“ (ркп. Чернигов. духов. семинаріи), по которому начало поселенія раскольниковъ относится ко времени господствованія Михаила Раковицы, бывшаго попеременно и по нѣсколько разъ господаремъ Молдавіи и Валахіи съ 1704 г. по 1727 г. (Подробности и указаніе литературы по вопросу о поселеніи раскольниковъ въ Волощину см. въ изслѣдованіи: „Изъ ист. раск. на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII вв.“ Вып. I, стр. 261—263). Единственною старою обителью во всемъ тогдашнемъ по-

повицнскомъ расколѣ могла быть только Вѣтковская Попровская обитель, которая здѣсь по всей вѣроятности и разумѣется и тогдашній представитель которой іеромонахъ Игнатій былъ извѣстенъ патр. Хрисану по „дѣйству божественнаго припошенія“ въ Яссахъ, столицѣ Молдавіи, Вѣтковскую вѣру котораго онъ нашелъ „православной“ и „древнимъ греческимъ обычаемъ согласной“, почему и обѣщалъ рукоположить его во епископа. Видимо тутъ дѣло шло о фактическомъ исполненіи даннаго обѣщанія относительно поставленія старообрядческаго епископа, имѣть котораго Вѣтковцы такъ усиленно тогда добивались. Изъ сопоставленія данныхъ разсматриваемой переписки можно заключить, что подъ именемъ „отступниковъ“ здѣсь нужно разумѣть не однихъ русскихъ казаковъ, бѣжавшихъ незадолго передъ тѣмъ въ Турцію, но и вообще старообрядцевъ, поселившихся какъ въ предѣлахъ Турціи, такъ и въ предѣлахъ юго-западной Россіи и Польши. На это указываетъ тотъ пунктъ письма патріарха къ Шафирову, весьма, впрочемъ, неопредѣленно и туманно выраженный, въ которомъ говорится, что „о людяхъ дружески и христіански честность твоя хочешь учинить, понеже изволишь писать и къ Никитѣ (такъ называетъ патріархъ въ перепискѣ съ Шафировымъ Петра Великаго, очевидно, какъ побѣдителя при Полтавѣ *Ніхтѣ*) и къ Дмитрею, одному господину (повидимому князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, до 1701 г. бывшему посланникомъ въ Константинополѣ, а потомъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, въ вѣдомствѣ котораго были и раскольники, жившіе въ южной и юго-западной окраинѣ государства), что въ тѣхъ убогихъ, и держитъ ихъ тамъ столько лѣтъ, отъ чего они, бѣдные, разорились“.

Изъ письма посланника Шафирова къ канцлеру графу Головкину, о которомъ рѣчь идетъ въ вышеуказанной статьѣ проф. Смирнова, видно, что просителями патр. Хрисанова были, между прочимъ, малороссійскіе казаки, бѣжавшіе

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. II. 1909 г.

въ Турцію послѣ измѣны Мазепы и Полтавской баталіи, напр., Прилуцкій полковникъ Горленко и довѣренный писарь гетмана Мазепы Орликъ: первый, какъ проявившій желаніе возвратиться въ Россію, второй, какъ заклятый врагъ, по мнѣнію Шафирова, на возвращеніе котораго надежды нѣтъ (М. А. М. Ип. дѣлѣ. Турец. дѣла 1713 г., № 7). Казаки ходатайствовали, чтобы патріархъ предъ русскимъ правительствомъ испросилъ имъ „прощеніе“ за ихъ политическую измѣну и тѣмъ далъ имъ возможность возвратиться въ предѣлы Россіи. Письмо Шафирова къ графу Головкину датировано 14-мъ августа 1713 г., а кто были просителями патріарха въ прошломъ 1712 г. и о чемъ тогда просили—остается неизвѣстнымъ. Есть основаніе полагать, что просителями тогда были не одни малороссійскіе казаки, да и предметъ просьбы могъ быть иной. Любопытно, что интересы тогдашнихъ просителей патріарха поддерживали высшіи турецкія власти, что совершенно непонятно по тогдашнимъ политическимъ условіямъ, такъ какъ это было время войны Турціи съ Россіей, когда туркамъ было бы естественнѣе не способствовать возвращенію казаковъ на родину, а всячески удерживать ихъ въ Турціи. Особенно же характерно то, что въ письмѣ Шафирова къ Головкину ни о какой „хиротоніи“ не говорится, тогда какъ въ письмѣ патр. Хрисанѣа къ барону Шафирову, наоборотъ, болѣе всего выдвигался вопросъ о „хиротоніи“ въ интересахъ церкви, а не политики. Своихъ просителей патріархъ представлялъ не только измѣнниками своего отечества, но и церковными отступниками, почему и не могъ совершить „хиротоніи“ для отступнической отъ церкви общины.

Изъ письма барона Шафирова къ патріарху видно, что казаки, бѣжавшіе въ Турцію, были озабочены въ 1712 г. отысканіемъ удобнаго для себя „гнѣзда“ на мѣстѣ новаго поселенія, — были „въ намѣреніи такомъ, дабы возгнѣздися, прочіихъ свою братію прельсти и къ себѣ переманя, тамо

расшириться“. А разъ возникла мысль о болѣе или менѣе широкой организаціи казакской общины въ турецкихъ владѣніяхъ, не могла быть оставлена безъ вниманія и церковная сторона этой организаціи, при чемъ становится совершенно понятной и нужда въ „хиротоніи“ священства. Тутъ, однако, является новое затрудненіе въ томъ, что относительно церковнаго „отступничества“ бѣжавшихъ въ Турцію малоросійскихъ и запорожскихъ казаковъ ничего неизвѣстно изъ другихъ источниковъ. Этотъ существенный признакъ всецѣло можетъ быть отнесенъ лишь къ ранѣе бѣжавшимъ въ Турцію донскимъ казакамъ, бывшимъ по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ крѣпкостоятельными раскольниками-старообрядцами. Такимъ образомъ, вопросъ о „хиротоніи“, который патр. Хрисанѳу пришлось разрѣшать въ 1712 г., могъ сводиться къ тому, что казаки желали организовать въ Турціи и свою раскольническую іерархію, быть можетъ подъ вліяніемъ Вѣтковцевъ, ихъ духовныхъ руководителей, или даже въ связи съ ихъ „происками“ относительно поставленія особаго старообрядческаго епископа. На такой оборотъ дѣла, повидимому, указываетъ и то мѣсто въ отвѣтномъ письмѣ барона патріарху, гдѣ, послѣ рѣчи объ „измѣнникахъ“—главаряхъ, говорится о „другихъ“, рядовыхъ казакахъ, увлеченныхъ первыми. Имъ, по выраженію Шафирова, „яко прямымъ дѣтямъ блуднымъ отечества своего“ надлежитъ „предложить увѣщаніе, чтобы умилосердились надъ своими отцами, женами, дѣтьми и сродниками, которые, конечно, люютую смерть постраждутъ, если услышатъ Никита, что они сами здѣсь не перестаютъ возмущать противъ благочестія, о чемъ ко мнѣ предъ самымъ заключеніемъ (т. е. въ семибашенный замокъ при объявленіи Прускаго похода 25 февраля 1711 г.) именно писано, что то намѣреніе воспріято, понеже явилось, что они имѣютъ съ ними общеніе“. Оказывается, такимъ образомъ, что бѣжавшіе въ Турцію казаки-раскольники сносились съ оставшимися на роднѣ

родственниками, и вредное вліяніе ихъ сказывалось „въ возмущеніи противъ благочестія“. Такого выраженія Шафировъ не могъ употребить для обозначенія политической агитаціи.

Замѣтимъ и то, что баронъ Шафировъ въ письмѣ отъ 5 го апрѣля 1713 г. канцлеру Головкину, между прочимъ, писалъ по слухамъ о назначеніи п. Хрисанова якобы на „патріархію казацкую“, не дѣлая при этомъ ровно никакого намека, что образуемая вновь въ Турціи „патріархія“ по существу своему будетъ „патріархіей“ раскопнической.

Таковы по существу вновь обнаруженные документальныя данныя о первой попыткѣ Вѣтковскихъ старообрядцевъ поставить себѣ епископа у Грековъ еще въ царствованіе Петра Великаго. Не вполне сохранившаяся переписка между п. Хрисановомъ и барономъ Шафировымъ даже по отношенію къ 1713 г. (патріархъ говоритъ объ отправленіи къ посланнику трехъ писемъ, а послѣдній въ отвѣтномъ письмѣ говоритъ только лишь о полученіи двухъ) не даетъ возможности ближе выяснить все это дѣло и разъяснить всѣ встрѣчающіеся при этомъ недоумѣнія. Несомнѣнно одно, что Вѣтковцы „зѣло проискивали, чтобъ иному не быть хиротонисанну въ мѣсто старой обители“, какъ только лишь намѣченному ими кандидату на епископство, т. е. упоминаемому въ „прошеніи Вѣтковскихъ поповцевъ молдавскому господарю Григорію Гикѣ“ іеромонаху Игнатію, вѣру котораго „въ дѣйствѣ Божественнаго приношенія“ свиѣтельствовалъ самъ п. Хрисановъ (стр. 71).

О попыткѣ 1730—1731 г. довольно подробно и обстоятельно рассказываетъ Иванъ Алексѣевъ. По его свидѣтельству, въ то время въ Молдавіи находилось уже не малое количество поселившихся старообрядцевъ. Черезъ своихъ молдавскихъ единовѣрцевъ представители Вѣтковской поповщины и вошли въ сношеніе со „всея Молдавы преосвященнымъ митрополитомъ и экзархомъ Сочавскимъ и

всего Поморія архіереємъ Антоніємъ“, обѣщавъ ему за поставленіе старообрядческаго епископа построить въ Яссахъ каменную церковь. По свидѣтельству того же источника, Ясскій митрополитъ Антоній былъ „удобо приступенъ“ къ мѣстнымъ раскольникамъ и даже входилъ съ ними въ разглагольствія о вѣрѣ, благодаря чему Молдавскіе старообрядцы, по совѣту и наставленію Вѣтковскихъ учителей, и обратились къ нему съ дерзновенной просьбой о томъ, „да посвятитъ имъ отъ нихъ человѣка во епископа“. И „митрополитъ на се соизволи и повелѣ подати доношеніе, кое поданное явѣ сотворено бысть Господарю и совѣтникомъ его. И вси радостно соизволяху на то“. Это происходило въ 1730 г. Въ концѣ того же года или самомъ началѣ слѣдующаго 1731 г., послѣ того, какъ Молдавскіе раскольники сообщили Вѣтковскимъ объ успѣхѣ начатаго дѣла, на Вѣткѣ былъ созванъ по этому поводу соборъ изъ духовныхъ и мірскихъ лицъ: на этомъ соборѣ были и выборные представители отъ діаконскаго толка, въ то время значительно усилившагося на Вѣткѣ и въ Стародубѣ. Предсѣдательствовалъ на этомъ соборѣ Вѣтковскій игумень *Власій Грибинъ*, не имѣвшій священнаго сана. Общимъ соборнымъ совѣтомъ рѣшено было избрать кандидата во епископы и послать его для посвященія въ епископскій санъ въ Яссы. Кандидатомъ былъ избранъ Вѣтковскій инокъ *Павелъ*, экономя Покровскаго монастыря, иночествовавшій уже около 30 лѣтъ, и немедленно былъ отправленъ въ Яссы вмѣстѣ съ выборными представителями отъ вѣтковского и діаконскаго согласій. По прибытіи въ Яссы уполномоченные подали „отъ всего собора“ грамоту Молдавскому Господарю, „да повелитъ митрополиту отъ Вѣтки посланнаго человѣка посвятити во епископа“. Но случилось такъ, что въ это время какъ разъ прибылъ въ Молдавію Константинопольскій патріархъ *Паисій II*, въ духовную юрисдикцію котораго входила Молдавія, и Молдавскій митропо-

лѣть дѣло о старообрядческомъ епископѣ, какъ не бывавшее дотошѣ, представилъ на судъ вселенскаго патріарха. Въ свою очередь и Вѣтковскіе уполномоченныя обратились къ тому же патріарху за разрѣшеніемъ вопроса о старообрядческомъ епископствѣ, хорошо понимая всю выгоду такого шага, въ случаѣ благопріятнаго отношенія патріарха къ ихъ дѣлу о поставленіи для нихъ епископа. Константинопольскій патріархъ не нашелъ возможнымъ единолично разрѣшить предложенный ему вопросъ, хотя въ принципѣ и одобрилъ желаніе Вѣтковскихъ раскольниковъ имѣть своего законнаго архіерея, обѣщавъ черезъ переводчика, по возвращеніи въ Константинополь, посоветоваться объ ихъ дѣлѣ съ другими патріархами и прислать отвѣтъ въ Яссы. Черезъ нѣкоторое время обѣщанный отвѣтъ былъ дѣйствительно присланъ на имя Молдавскаго митрополита Антонія. Это были, по словамъ Ивана Алексѣева, двѣнадцать пунктовъ или статей, принятіе которыхъ старообрядческимъ кандидатомъ во епископа вселенскіе патріархи поставляли непремѣннымъ условіемъ, и составлены эти статьи или пункты „въ такомъ разумѣ, да хотѣи ставитися исповѣданіе дасть новотворныя догматы храни и въ ихъ спасеніе вѣровати и прочихъ сему научити“. Неизвѣстно съ точностію, какіе это были „новотворныя догматы“; но, по всей вѣроятности, это были—трехперстное крестное знаменіе и пятипросфоріе, а главное—соблюденіе общенія съ церковію православною... Такимъ образомъ, очевидно, п. Павсій согласился исполнить просьбу Вѣтковскихъ раскольниковъ, если только поставленный для нихъ епископъ дасть клятвенное обѣщаніе во всемъ послѣдовать ученію православной церкви, т. е. подѣ условіемъ отреченія отъ раскола. На этомъ собствѣнно на этотъ разъ и остановилось дѣло о поставленіи старообрядческаго епископа; раскольники не могли принять епископа на предложенныхъ имъ условіяхъ, такъ какъ принятіе послѣднихъ было бы равносильно полному соединенію ихъ съ православною церковію, что очевидно вовсе не

соотвѣтствовало намѣреніямъ Вѣтковскихъ инициаторовъ этого дѣла. При такихъ обстоятельствахъ и Молдавскій митрополитъ измѣнилъ свое отношеніе къ нимъ. Когда Діаконовцы послѣ Вѣтковцевъ стали просить митрополита о переводѣ съ греческаго языка приставныхъ изъ Константинополя 12 пунктовъ, онъ „возмнѣ шпірство нѣкое отъ нихъ быти, яростно ихъ огела отъ себе. Они же познавшіе лукавый Вѣтковскихъ подлогъ, скрывахся отъ лица митрополита, да не бѣднѣ ихъ животъ погибнѣтъ. И на томъ преста взысканіе то“¹⁾.

Единственнымъ документальнымъ источникомъ о сношеніяхъ Вѣтковскихъ раскольниковъ съ Молдавскимъ митрополитомъ и Константинопольскимъ патріархомъ по дѣлу о поставленіи для нихъ епископа въ 1730—1731 г.,—источникомъ, подтверждающимъ и дополняющимъ рассказъ Івана Алексѣева,—является прошеніе, поданное Вѣтковскими уполномоченными патріарху Паясію II. Оно было найдено въ 1866 г. нѣкоторыми изъ старообрядческихъ епископовъ у Ясскихъ раскольниковъ, а потомъ было напечатано въ 1870 г. съ руководящими замѣчаніями съ современнаго его написанію списка извѣстнымъ знатокомъ раскола Н. И. Сущботиннымъ въ Душеспольномъ чтеніи (№ 1,

¹⁾ *Ив. Алексѣевъ*. Дѣл. рус. лит. т. IV, стр. 64. Иеромонахъ *Виталій* въ своемъ сочиненіи „О церкви и о старообрядцахъ“ (ркп. Кіев. Дух. Акад. Аа. 128, л. 75, Макарьевская) рассказываетъ объ этой попыткѣ такъ: „Живущіе за границею Вѣтковского и Діаконовскаго согласія имѣли соглашеніе о поставленіи епископа въ Яссахъ. Но при семъ каждая сторона желала, чтобы изъ своей собратіи выбрать человека къ такому поставленію, въ чемъ завели между собою споръ. Затѣмъ прервали такое соглашеніе, обвиняя Діаконовскіе въ неустойкѣ Вѣтковскихъ, каковое происхожденіе видно изъ письма, писаннаго отъ діаконовскаго монаха Марка къ Вѣтковскому иконописцу Федору Козмину именуемому философу“.

стр 26—44). Въ этомъ прошеніи „великороссійскаго царства, православія греческаго восточныя церкви сынове, обитающіи въ Польскомъ королевствѣ, Покровскаго монастыря... смиренный игуменъ Власій и прочіи священноиночествующіи и иночествующіи, и народи православніи многія тысячи“ прежде всего оправдывали себя предъ вселенскимъ патріархомъ „отъ великороссійскихъ новосѣдѣльныхъ синодальныхъ ложно наносимыхъ оглашеній“ и клеветъ на нихъ. Далѣе въ прошеніи утверждалось, что только они, „кромѣ всякаго прилога лукаваго“, имѣютъ „вѣру греческую, отъ престола Константинопольскаго великимъ княземъ Владиміромъ Киевскимъ пріятую“; что только они „чины и уставы церковныя неотмѣнно содержатъ, якоже древле въ книгахъ греческихъ пріяхомъ“; что только они „главные артикулы католическія церкви, сице и прочіе церковныя догматы соблюдаютъ и Богословію вселенскихъ патріарховъ безъ премѣненія содержатъ“. Представляя далѣе исповѣданіе своей вѣры, представители Вѣтковской половщины стараются какъ можно ярче поставить на видъ, что они отвергають ученіе всѣхъ еретиковъ, осужденныхъ вселенскими соборами, которыхъ и перечисляютъ поименно, съ показаніемъ лжеученія каждаго изъ нихъ, и что наоборотъ „древнія преданія св. апостолъ и св. отецъ усердно соблюдаютъ“, какъ научились отъ древнихъ православныхъ учителей восточной св. церкви. Относительно «новоумышленныхъ преданій», несогласныхъ съ восточною церковію, а именно прежде всего „латинскихъ и всего запада, кальвинскихъ и лютеранскихъ, иже Богословію древнюю премѣнили, о исхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына приложили, и прочее преданіе святыхъ премѣнили,—о постахъ и объ оцѣсночномъ служеніи и о пострѣженіи брадъ и прочемъ ихъ новосмышленіи, — они ограничиваются только замѣчаніемъ, что „весьма того премѣненія не пріемлютъ, которое противствуєтъ древнему греческому преданію“. О „новосмышленіяхъ“ собственно Ве-

ликороссійской церкви Вѣтковцы писали, что послѣдняя приняла якобы „латынскіе и люторскіе обычаи, а отъ святой в сточной церкви, окормляемой вселенскими патріархами, въ ученіи и преданіяхъ“ уклонилась, тогда какъ они, глаголемые старообрядцы, истинные послѣдователи освященныхъ древностію преданій и порядковъ церковнаго управленія. Въ такихъ вѣдѣніяхъ новоперемѣнахъ петровскаго времени, какъ ношеніе нѣмецкаго платья, бритые бороды, въ особенности учрежденіе св. Синода вмѣсто патріаршества, они видѣли несомнѣнные признаки еретичества, отступленія отъ древнеправославной церкви и даже признаки временъ антихриста. Въ особенности представители Вѣтковской поповщины обращали вниманіе патріарха на то, что „въ великой Россіи патріаршескій престолъ имѣти не восхотѣша“, но „бискупскій синодъ въ молебныхъ дѣлахъ вписана“, и что „нынѣ великороссійстѣи мнози господа и купечестіи люди въ кальвинскіе обычаи снудоша. въ посты святые . не брегутьъ, среды и пятки не хранятъ, мяса ѣдятъ, и о сей слабости синодальные не возбраняють, но паче и спозволяютъ, и симъ небреженіемъ народомъ великороссійскимъ въ нѣмецкую слабость врата отвориша, яко не точію народъ простолюдиновъ, но и церковныхъ причетниковъ въ одѣяніе кальвинское облекаша и брады имъ по нѣмецки обрѣша. А иже кто ихъ (синодальныхъ) повелѣнію противенъ и образъ христіанскій на себѣ нерушимъ носить,—и тѣхъ при церквахъ не погребаютъ, но на кладбище бусурманское относятъ, и въ гнойныхъ мѣстахъ, аки скотовъ, со многымъ руганіемъ пометають: таковое поруганіе вашему (патріаршему) благочестію сотворяють“¹⁾. Вмѣ-

¹⁾ Въ разговорѣ Петра II раскольники про св. Синодъ и его распоряженія въ своихъ пророчествахъ говорили слѣд.: „Антихристовы страсти—заповѣдныя всенародныя тричастныя книги умершимъ, новорожденнымъ (метрическія книги), и нашимъ ро-

стѣ съ тѣмъ. Вѣтковцы указывали, что учрежденіе Синода собственно есть дѣло оскорбительное и преступное въ отношеніи къ церкви греческой, что церковь великороссійская тѣмъ будто бы презрѣла вселенскихъ патріарховъ „и

сійскимъ государствомъ овладѣють еретики, и что нынѣ синодъ, то антихристовъ престолъ, и будетъ князь великій императоромъ вторымъ, и при немъ сыщется истинная вѣра предъ Богомъ и будетъ людямъ жить добро, но не долго“. Вып. изъ тайныхъ дѣлъ въ Государств. Архивѣ. Соловьевъ, Ист. Рос. XIX, стр. 194. Были недовольные синодомъ и среди православныхъ. Въ Стародубѣ поручикъ Игнатій Архиповъ, состоявшій въ подчиненіи у коменданта Пашкова, въ разговорахъ съ стародубскимъ войтомъ Яковомъ Андреевымъ про Рѣшилова „говорилъ злую рѣчь непотребными словами на все освященное собраніе св. Синода... и тѣмъ прикончалъ, что-де ни единой персонѣ съ духовности, но и черному нечу не иму вѣры“... И. с. п. и р. по вѣд. прав. испов. IV, стр. 169, ст. 1. Были недовольны учрежденіемъ св. Синода и нѣкоторые изъ православ. архіереевъ, напр. Амвросій Юшкевичъ: см. его предположеніе о высшемъ церковномъ управленіи, составленное имъ вмѣстѣ съ Арсеніемъ Мацѣвичемъ и представленное Елизаветѣ Петровнѣ въ 1742 г. Въ докладѣ его о мѣрахъ ослабленія раскола 1744 г. сказано (Демидова №№ 659, 660), что раскольники всего болѣе защищаются тѣмъ въ своемъ упорствѣ, что синодальное управленіе „отъ единого образца протестантскаго взято“. Обз. рус. дух. лит. изд. III, кн. 11, стр. 314.—Извѣстно, что петровскія нововведенія, имѣвшія своею цѣлью ввести русскаго челоуѣка въ формы европейскаго общежитія, на столько скоро привились, что уже въ первой половинѣ XVIII в. отразились даже во внѣшнихъ формахъ жизни московскаго духовенства. Къ 29-му сентября 1729 г. относится слѣд. любопытное распоряженіе: „По Е. И. В. указу и по приказанію св. правит. синода духовной дикастеріи членъ Ссрапіовъ, архим. Знаменскій, приказалъ московскимъ протопопамъ и сороковымъ старостамъ поповскимъ сказать указъ съ подпискою, чтобы всѣхъ церквей священники и діаконы ходили и въ бесѣдахъ сидѣли въ скуфьяхъ и гүменцы были у нихъ всегда вычищены, понеже скуфія и гүменца знакъ священства, и носили бѣ шапки образцовыя, а въ шля-

въ вѣчномъ ихъ послушаніи быть не захотѣла“. О прежнихъ доказательствахъ мнимаго отступленія великороссійской церкви отъ древняго православія и благочестія—двуперстія, сугубой аллилуйя и имени Ісусъ—говорится здѣсь только

пахъ, такожъ и въ нѣмецкихъ камзолахъ и въ прочихъ неприличныхъ священному чину одеждахъ отнюдь бы не ходили“. Копія этого указа, по свидѣтельству С. М. Соловьева, внесена въ журналы Верховнаго Тайнаго Совѣта. Такъ какъ повторенія указа послѣ не встрѣчается, то можно думать, что имъ прекращена была попытка нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ приравниваться къ одеждѣ къ мірекимъ людямъ. Ист. Рос. ХХ, стр. 459, примѣч. 239. Недаромъ Вѣтковцы въ вышеуказанномъ прошеніи п. Паясію П въ 1731 г. писали, что синодальные члены небреженіемъ о церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ „въ нѣмецкую слабость врата отвориша, яко не точію народъ простолюдиновъ, но и церковныхъ причетниковъ въ одѣяніе кальвинское облекоса и бороды имъ по нѣмецки обриша“. Въ Стародубѣ въ ближайшее послѣпетровское время распространялись воззванія и прямо антицерковныя. Такъ, синодальный подканцеляристъ Петръ Даниловъ Буйнаковъ доносилъ св. Синоду, что 3-го декабря 1725 г. въ квартирѣ Почепскаго управителя Андрея Гудовича, Почепскій обыватель Андрей Бороновскій, говорилъ ему, Буйнакову, что онъ, Бороновскій, съ помянутымъ Гудовичемъ слышали отъ „служителя дому его высококняжеской свѣтлости (кн. Меньшикова) Евстихея Изволова объ изглашеніи секретаремъ Феодоромъ Зеленымъ слѣд. богомерзскихъ и хулительныхъ, касающихся еретичества словъ: а) отъ образа де Богородична, назыв. Тихвинскія, чудеса всѣ, что ни есть преданныя св. церкви къ почтенію, онъ не имѣть, и тѣ де чудеса всѣ, что изображено, почитають де напрасно; б) праотца Адама называлъ мужикомъ простымъ; в) святителя и чудотворца, великаго угодника Божія Николая—простымъ же мужикомъ, и г) про св. Георгія говорилъ: онъ де былъ пономарь Егорка, а мужики-де стали звать св. Георгій, да Георгій, и отъ того времени его, Егорку, почли всѣ во званыя и нынѣ почитають. Такъ же и другія многія хулительныя слова онъ, Зеленый, говорилъ“. Слѣдствіе по этому дѣлу производилъ архіеп. Нижегородскій и Алатырскій Питиримъ. 8-го апрѣля 1728 г. Феодоръ Зеленый на допросѣ сказалъ, что „ника-

между прочимъ, именно по поводу „клеветной книги *Пришницы* новоизданной о ложномъ Мартиновомъ *соборѣ*“, объявленномъ „новоумышленнымъ російскимъ син домъ“. Раскольники не хотѣли быть учениками „незнаемаго“ исторіей и древними книгами еретика Мартина. Обращаясь въ заключеніе къ изложенію причинъ, побуждавшихъ ихъ искать епископа, Вѣтковскіе представители поповщины объясняли свою просьбу о епископѣ не желаніемъ организовать свою церковь сообразно каноническимъ правиламъ, не желаніемъ избавиться отъ внутреннихъ церковныхъ затрудненій учрежденіемъ самостоятельной іерархіи, такъ какъ не было въ ихъ церкви „единого выпятого члена, рекше епископа“, а совершенно виѣшними условіями, именно: укоризнами и поношеніями за неимѣніе епископства, претерпѣваемыми „отъ сзувитовъ и прочихъ иновѣрныхъ“, а равно и желаніемъ какъ можно лучше и удобнѣе защититься отъ латинской уніи. Въ этихъ видахъ они просили Константинопольскаго патріарха, какъ раньше Молдавскаго митрополита, чтобы онъ *посвятилъ имъ во епископа эконома Покровскаго монастыря инока Павла*, жившаго на Вѣткѣ около 30 лѣтъ въ монашескомъ образѣ, который „просвѣщалъ бы родъ христіанскій божественными тайнами и настоятель былъ бы во общей обители нашей и протчимъ скитскимъ отцемъ, иже западныхъ расколовъ весьма себя хранятъ, и за православіе отеческаго преданія души свои полагаютъ“.

Это прошеніе представителей Вѣтковской поповщины имѣетъ дѣйствительный историческій интересъ не только въ томъ, что оно служитъ документальнымъ источникомъ

кихъ хулительныхъ о св. угодникахъ Божіихъ словъ никогда никому не говаривалъ, и св. образа ихъ почиталъ“. О дальнѣйшемъ ходѣ изслѣдованія по этому дѣлу свѣдѣній у насъ не имѣется. Опис. док. и д., хранящ. въ арх. св. Синода т. V (1725 г.). Спб. 1897 г., стр. 616—617.

и свидѣтельствомъ о сношеніяхъ старообрядцевъ съ Иерусалимскимъ митрополитомъ и патріархомъ Константинопольскимъ о поставленіи для нихъ епископа въ 1730—1731 г. но и въ томъ, что ясно показываетъ ихъ тогдашнюю лукавую неискренность въ отношеніи греческой церкви и ея представителей, какую они проявили и потомъ черезъ сто слишкомъ лѣтъ, при учрежденіи Вѣлоризницкой старообрядческой іерархіи. Въ самомъ дѣлѣ, представители Вѣлоризницкой поповщины изъявили полное желаніе и рѣшительную готовность принять епископа съ руки патріарха Константинопольскаго; о православіи греческой церкви говорили какъ о неповрежденномъ и самихъ себя признавали вѣрными членами этой церкви, а въ особенности вселенскаго патріарха, котораго всячески старались задобрить. Последняго называли „верховнѣйшимъ пастыремъ и вселенскимъ правителемъ св. восточныхъ церквей, столпомъ и свѣтиломъ всего міра, праотцемъ великороссійскихъ святителей и патріарховъ“ и пр., а себя „св. восточной церкви сынами, непогрязненными западныхъ расколовъ напоеніемъ, но при греческой церкви праворебывающихъ“... Но это широкофѣдательное свидѣтельство о православіи греческой церкви и полномъ съ нею согласіи было только лукавымъ маневромъ, употребленнымъ съ іезуитскою цѣлью, для того, чтобы только склонить патріарха къ поставленію для нихъ епископа. Извѣстно, что гораздо раньше первой половины XVIII в. русскіе старообрядцы считали греческую церковь утратившею благочестіе, поврежденною ересями, а самихъ себя далеко не согласующимися съ нею въ богословіи и въ преданіяхъ, какъ напр. видно и изъ путевыхъ записокъ старца Леонтія, а раньше изъ путника Арсенія Суханова; а потому если теперь они выставляли себя строгими блюстителями православія и вполне солидарными съ греческою церковію, то тѣмъ самымъ только прикрывали свои дѣйствительныя отношенія къ православію и православной цер-

кви. Да и въ самомъ прошеніи явственно отличали они „древнее православіе“, „древнія греческія книги“. „древнее восточный святія церкви преданіе“ отъ какого-то новаго благочестія, новыхъ греческихъ книгъ, новаго восточной церкви преданія, находя въ то время неудобнымъ относить эги «новшества» къ современной греческой церкви. Достаточно ясно выразилось отношеніе Вѣтковскихъ старообрядцевъ къ православной церкви вообще въ рѣзкихъ отзывахъ о русской церкви, которую они считали уклонившеюся въ латинскіе, лютерскіе и кальвинскіе обычаи и отдѣлившеюся отъ іерархическаго единства со вселенскими патріархами, а въ особенности въ нежеланіи получить епископа на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ даются они вообще православнымъ паствамъ. Очевидно, что всѣ разглагольствія Вѣтковскихъ старообрядцевъ о святости греческой церкви и „сыновнемъ почтеніи патріаршимъ вселенскимъ оронамъ“, какъ выражаются они, были со стороны ихъ простымъ обманомъ съ цѣлью добиться желаемого.

Прошеніе Вѣтковскихъ старообрядцевъ Константинопольскому патріарху о поставленіи епископа въ указанномъ нами спискѣ помѣчено 3-мъ мая 1731 г. Къ этому прошенію прежде всего подписались: Покровскаго монастыря игуменъ Власій съ братіей, еклезіархъ монаховъ Зосима и domestikъ схимонахъ Филаретъ; потомъ Введенской обители строитель Лаврентій и Тихвинской обители строитель Авраамій съ братіями. Любопытно, что въ числѣ подписавшихся нѣтъ ни одного лица изъ мѣстныхъ мірянъ-старообрядцевъ.

Отмѣтимъ и другую любопытную бытовую подробность, которую узнаемъ только изъ этого прошенія. Оказывается, что хлопотать въ Яссахъ о приобрѣтеніи епископа Вѣтковцы начали съ державнаго на то дозволенія владѣльца Вѣтки—пана Халецкаго, старосты Рѣчицкаго, что они принимаютъ дѣятельное участіе въ ихъ предпріятіи и снабдилъ ихъ „просительнымъ листомъ“, который они и

доставили по принадлежности. Очевидно для Халецкаго было выгодно „отечески пещись“ о возвышеніи старообрядческой обители на его землѣ...

Въ слѣдъ за этой неудачной попыткой пріобрѣсти старообрядческаго епископа изъ-за границы послѣдовала и другая, нисколько не похожая на свою предшественницу, хотя одинаковая съ нею по результату. Вѣтковцы и Діаконовцы на этотъ разъ соединились съ безпоповцами поморскаго согласія и рѣшились дѣйствовать коллективно, общими силами, въ такомъ важномъ, съ ихъ точки зрѣнія, дѣлѣ, какъ устройство старообрядческой церкви, не имѣвшей доселѣ „перваго вышняго члена, рекше епископа“. Кромѣ устройства старообрядческой церкви, инициаторы этой коллективной попытки стремились вмѣстѣ съ тѣмъ остановить дальнѣйшее дробленіе и распаденіе старообрядческаго раскола на толки и разгласія, а образовавшіеся уже толки и разгласія сплотить и привести въ полное согласіе между собою, подъ верховенствомъ епископа древляго благочестія. Такова была внутренняя подкладка соглашенія, каковое состоялось будто бы на этотъ разъ въ Стародубѣ, какъ утверждаетъ П. И. Мельниковъ (стр. 87), не указывая источника. Но умудренные горькимъ опытомъ старообрядцы однако же хорошо понимали, что избраніе епископа изъ той или другой старообрядческой фракціи непременно повлечетъ за собою взаимныя ссоры, споры и непріятности; понимали хорошо по первому неудачному опыту и то, что невозможно получить и за границей хиротонію для раскольника, къ какому бы толку онъ ни принадлежалъ. Въ этихъ видахъ на соединенномъ стародубскомъ соборѣ поповцевъ съ безпоповцами пришли къ тому же рѣшенію, которое удалось старообрядцамъ осуществить столѣтіемъ слѣдующимъ позже, при учрежденіи Вѣлокриницкой старообрядческой іерархіи. Именно старообрядцы рѣшились отыскать для себя на Востокъ черезъ выборныхъ представителей какого

либо безудѣльнаго епископа, котораго по надлежащей раскольнической „исправѣ“ можно было признать за святителя всѣхъ старообрядцевъ. За осуществленіе этого важнаго для старообрядцевъ дѣла взялся главнымъ образомъ пѣвѣстный поморець Михаалъ Ивановичъ *Вышатины*, ошибочно называемый Мельниковымъ *Витатинымъ*, другъ и единомысленикъ Андрея Денисова, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ и авторитетныхъ людей среди тогдашнихъ старообрядцевъ всѣхъ согласій. Это былъ, по словамъ П. И. Мельникова, одинъ изъ самыхъ ученѣйшихъ людей, какіе только были въ расколѣ съ самаго начала его. Много онъ странствовалъ и по Россіи и въ чужихъ краяхъ, много видѣлъ, много зналъ и обладалъ необыкновеннымъ даромъ привлекать и искренно привязывать къ себѣ людей, какихъ бы религиозныхъ убѣжденій они ни были (стр. 88).

Въ „Историческомъ Словарѣ“ Павла Любопытнаго Вышатиныя характеризуется, болѣе впрочемъ риторически, чѣмъ исторически, какъ „славный житель въ Выгорѣцѣхъ, Березовскаго скита, мужъ ученый, знатныхъ талантовъ, вѣдающій греческій и латинскій языки“: какъ „примѣрный ревнитель благочестія, твердаго и геройскаго духа и строгой жизни; разительный писатель о бытіи послѣдняго времени и антихриста, знатный объяснитель догматовъ благочестія и рѣдкій нравоучитель ближнихъ... Онъ не разъ торжественно поражалъ возникавшее тамъ пагубное бракоборство... Онъ, по духу тогдашняго времени, убѣдился отъ старшинъ своей церкви довременно странствовать по Палестинѣ и тамъ искать Христовой хиротоніи, но все было тщетно. Мужъ былъ тщательный въ созиданіи церкви и ревностный обличитель враговъ ея, посвятившійся благу оной; онъ былъ искуснѣйшій писатель св. иконъ и священныхъ предметовъ нравственныхъ, какъ и нынѣ гласятъ тамъ о высотѣ его талантовъ; любитель мира, тщательный снискатель священныхъ предметовъ древности, украшавшій многія святы-

лица своимъ благолѣіемъ. Его любовь къ ближнимъ, чистота сердца, вѣдѣніе священнаго писанія и люющеее краснорѣчіе удивляли Выгорѣцкую лавру и всѣ окружающіе оную скиты, и они увѣличивали его славою и честію вездѣ. Таковъ былъ, по словамъ Навла Любопытнаго, главный инициаторъ и руководитель соединенной поповщинско—безпоповщинской попытки приобрести себѣ заграничнаго епископа, умершій въ 1732 г., 65 лѣтъ отъ роду (род. въ 1667 г.), во время своего заграничнаго странствованія съ указанною целью. Умеръ онъ въ Галицкомъ городкѣ Кутахъ, въ небольшомъ раскольниковскомъ монастырѣ, незадолго передъ тѣмъ построенномъ на тогдашней польско-молдавской границѣ. Такъ и закончилась эта попытка ¹⁾.

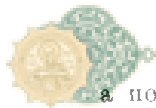
¹⁾ О *Вышатинѣ* см. у Мельникова: Ист. оч. попов., стр. 88—89. „Каталогъ или Библіотека старовѣрческой церкви“ и „Историч. словарь старовѣрческой церкви“ Навла Любопытнаго изд. и напеч. О. М. Подяскимъ въ Чт. общ. ист. и древ. Росс. М. 1863 г. Срав. „Раскольники и острожники“ Ливанова, т. IV, приложение (Сиб. 1873 г.). Поповъ А. Опис. ркн. библи. А. И. Хлудова. М. 1872 г., стр. 590. Известны два посланія къ Вышатину Андрея Денисова: 1) „Благодарственное посланіе къ М. И. Вышатину съ прочими о общей пользѣ съ нравоученіемъ“. 2) „Нравственное и ободряющее посланіе *путешествующему брату Вышатину ради церковной и благочестивой пользы, о сиротѣхъ*.“ Указанія на эти посланія Денисова († 1 марта 1730 г.) см. у П. Любопытнаго (Чт. въ общ. исторіи и древн. Росс., стр. 10—11). Кромѣ того въ Имп. Публ. Библи. имѣется полууставная рукопись XVIII в., на 334 л., въ 8—10 д. л. (О. I. № 357), представляющая сочиненіе Вышатина, озаглавленное такъ: „Книга драгоцѣнный бисеръ о сотвореніи свѣта, о паденіи же Адамовѣ, и о царствованіи грѣха и упраздненіи его, о слугахъ Антихристовыхъ, и о самомъ господинѣ ихъ, и о изряднѣйшихъ правовѣрныхъ сложеніяхъ: о св. церкви, о второмъ пришествіи Христовѣ, о страшиномъ судѣ, о мукахъ же и о царствіи небесномъ, отъ божественнаго писанія вратѣхъ избрано“. Самое сочиненіе состоитъ изъ молитвы, предисловія къ читателю, оглавленія, стиховъ или вѣршей къ читателю, инаго предисловія къ читателю же и самаго

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. II 199 г.

Есть основание полагать, что Вышатиный, отправившись на Востокъ въ преклонныхъ лѣтахъ, искренно вѣрилъ въ возможность установить въ старообрядчествѣ архіерейство,

текста сочиненія. Текстъ состоитъ изъ 40 главъ, изъ нихъ первая о сотвореніи свѣта, 9-я о отступленіи юнитовъ, 10-я о отступленіи Россіянъ, 11-я о прореченіи російскаго отступленія, о російскихъ еретикахъ, о ересь въ російской церкви, о клятвахъ и запрещеніяхъ на новопродерзанія и еже не примати новостей; о похвалѣ непріимшамъ новопреданія и злыхъ пастыремъ отлучившихся; обличеніе на хвалящихся и глаголющихъ яко исправляемъ (?); о прочитаніи книжномъ и о пользѣ его; о гоненіи на христіанъ; о правѣ мучительства, еже колико несогласенъ Христову благовѣстію; послѣдняя, 40-я глава, о славѣ святыхъ, о царствіи небесномъ. О сочинителѣ рукописи даетъ понятіе слѣдъ, интересная въ данномъ случаѣ для насъ приписка, на одномъ изъ неисписанныхъ бѣлыхъ листовъ рукописи, писанная другою рукою, чѣмъ сама рукопись: „сіа книга собранная изъ свящ. писанія Мих. Ив. Вышатинымъ, въ 1729 г., мая 10, который былъ современникъ и собесѣдникъ Андрею Діонисіеву, и посланный въ Грецію для изысканія состоящей тамъ въ непосредственномъ благодѣіи церковной іерархії, и проживавшій не малое время въ Молдавіи, и наконецъ имѣвшій постоянное пребываніе въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Выгорѣцкой пустыни, въ Березовской пустыни“. См. Отч. Имп. Публич. Библ. за 1876 г., Спб. 1878 г., стр. 82—84. Указанія на эту вторую попытку Вѣтковцевъ и пр. „списывать себѣ чинъ епископскій“ см. у Журавлева, Полн. ист. изв. ч. IV, стр. 104—105; у іеромонаха Виталія въ сочин. „О церкви и о старообрядцахъ“ (рпк. Кіев. Дух. Акад. Аа, 128), гл. IV, лл. 75 об. и 81. Здѣсь говорится: „Вѣтковскаго и Діаконоускаго и безпоповскаго поморскаго согласія, возмизѣвъ предпріятіе, отправили съ каждаго ссекта (?) по одному человѣку въ Грецію отыскивать епископа, но не искали его, изъ коихъ поморской Михайло Вышатиный заграницею умре, а прочія возвратились во своя си. Слѣпой не всякъ видить, какъ только можно быть тому, чтобъ у нихъ епископъ могъ угодить имъ всѣхъ разныхъ толковъ сентамъ, что они всѣ между собою весьма несогласные, а такъ и безъ епископа въ случаяхъ между ими въ преніяхъ вступающа въ озаріи, всякъ себя въ своемъ сужѣніи заставляя, бывають частыя драки и побои“ (л. 81) Срав. Опис.

а посланія Андрея Денисова дають основаніе полагать, что и Выговскіе руководители безпоповщинскаго раскола раздѣляли мысль авторитетнаго и вліятельнаго Вышатина. За то Ѳедосѣевцы, представители крайнихъ безпоповщинскихъ мнѣній, стояли въ сторонѣ отъ указанной попытки пріобрѣсти себѣ архіерея, хотя и были ознакомлены съ дѣломъ Андреемъ Денисовымъ, какъ показываютъ письма послѣдняго къ Леонтію Ѳедосѣеву, въ которыхъ указываются тѣ требованія, которымъ долженъ удовлетворять новопоставляемый архіерей. Письма эти напечатаны въ недавно вышедшей книгѣ проф. П. С. Смирнова: „Изъ исторіи раскола первой половины XVIII в.“ Спб. 1908 г. (въ приложеніи къ очерку о попыткахъ раскольниковъ пріобрѣсти себѣ архіерея).

Одновременно съ попыткой поповщины и безпоповщины совмѣстными силами найти на Востокъ какого либо бѣззудѣльнаго епископа, главнымъ инициаторомъ которой былъ видимо Вышати́нъ, Вѣтковцы, не дождавшись результатовъ поѣздки послѣдняго на Востокъ съ ихъ уполномоченными, рѣшились еще разъ самостоятельно послать кого-

нѣкот. соч., напис. рус. раскол Ал. Б. (ровковича, впослѣд. архіея. Одесскій Никаноръ), стр. 269.—Куты или Куть, гдѣ умеръ Вышати́нъ, находится на Галицкомъ берегу р. Черемоша, текущаго въ Прутъ и составляющаго границу съ Буковиной. Противъ Кута, по буковинской сторонѣ Черемоша, г. Вышница. Это не-подалеку отъ знаменитой нынѣ Бѣлой Криницы, тогда еще не существовавшей. Въ Кутахъ остались ученики Вышатина, ѣздившіе съ нимъ. Вѣтковцы и Стародубцы воротились по его смерти „во свояси“, а поморцы изъ любви къ учителю не хотѣли разстаться съ его могилой. Впослѣдствіи видѣлся съ ними здѣсь безпоповщинскій писатель Алексѣевъ, авторъ сочиненія—*Тайна брака*. Авторъ „Опис. соч., писан. раскол.“, вышеуказанный А. Б., смѣшалъ двухъ Ивановъ Алексѣевыхъ—автора *Ист. о быств. слов.* и автора *Тайны брака*, принявъ два разные лица за одно. Такая же ошибка перешла въ Энциклопедическій Словарь въ ст. покойнаго Н. Я. Аристова: „Алексѣевъ П“. Любопытный въ своемъ „Ист. слов. старов. церкви“ увѣряетъ, что Вышати́нъ умеръ въ Палестинѣ. Чт. въ общ. ист. и древ. росс. 1863 г., № 4, стр 157.

либо изъ своихъ въ Исы къ митрополиту Антонію для посвященія во епископа. Выборъ палъ на монаха *Варлаама*, жившаго въ то время въ Спасовой слободѣ, болѣе извѣстнаго подъ именемъ бѣлаго попа Василия Кондратьева Казанскаго, рукоположеннаго по однимъ указаніямъ Астраханскимъ архіереемъ Лаврентіемъ Горкой, кровнымъ малороссіяниномъ, слѣдов., съ точки зрѣнія раскольниковъ, обливанцемъ, по другимъ — Казанскимъ митрополитомъ Тихономъ, уроженцемъ Нижняго-Новгорода. Сначала, по отпаденіи отъ православной церкви, онъ довольно долго дѣйствовалъ по священнически въ Казани и былъ главою поволжскаго поповщинскаго раскола, откуда и получилъ прозваніе Казанскаго. Не поладивъ здѣсь съ вліятельными „мірскими правителями“, господствовавшими во всѣхъ старообрядческихъ общинахъ и управлявшихъ ихъ дѣлами, онъ оставилъ Казань, предавъ проклятію своихъ недоброхотовъ, и ушелъ на Керженецъ. Та же причина заставила его переселиться съ Керженца на Уралъ. Какъ на Керженцѣ, такъ и на Уралѣ, по тѣсной связи послѣдняго съ Керженцемъ, онъ былъ заподозрѣнъ въ полученіи своего священнаго сана отъ архіерея - обливанца. При такихъ обстоятельствахъ произошло его первое появленіе на Вѣткѣ. Здѣсь къ вопросу объ обливанствѣ относились уже гораздо терпимѣе, чѣмъ гдѣ либо среди старообрядцевъ. Живя между Малороссіянами и Бѣлоруссами, Вѣтковцы видѣли, что тамошніе православные священники при крещеніи не поливаютъ, а именно крестятъ въ три погруженія. Во всякомъ случаѣ, у Вѣтковцевъ въ то время была сильная партія, не вѣрившая уже въ обливанство Малороссіянъ и Бѣлоруссовъ, какъ и Грековъ. Съ представителями послѣдней партіи на Вѣткѣ и сошелся поппъ Василій, очаровалъ своимъ умомъ и опытностію, знаніемъ свящ. писанія и учительными дарованіями. Благодаря этой партіи, поппъ Василій скоро выдвинулся на Вѣткѣ, и былъ посланъ игуменомъ Покровскаго монастыря, какъ мужъ учительный и истинный пастырь душъ человѣческихъ,

въ Москву, находившуюся въ то время подъ полнымъ духовнымъ вліяніемъ Вѣтковскаго Покровскаго монастыря. Дѣятельность его въ Москвѣ и ея окрестностяхъ видимо была успѣшна, такъ какъ здѣсь онъ скоро разбогатѣлъ, или, какъ выражается Іона Курносый, „наполни чпакъ серебромъ и златомъ“. Возвращеніе его снова на Вѣтку, гдѣ онъ и постригся въ монашество съ именемъ Варлаама, какъ разъ совпало съ временемъ усиленной агитаціи Вѣтковскихъ чернецовъ и поповъ обзавестись своимъ старообрядческимъ епископомъ. Варлаамъ самъ сталъ во главѣ агитировавшихъ и какъ учительный и краснорѣчивый монахъ былъ отправленъ въ Яссы къ м. Антонію, какъ кандидатъ на епископство. Варлаамъ поѣхалъ въ Яссы съ своими собственными и Вѣтковскими деньгами. Надѣясь на воздѣйствіе своихъ и чужихъ денежныхъ средствъ, онъ не хотѣлъ смирить своего нрава и передъ митрополитомъ, говорилъ съ нимъ рѣшительно и властно, пускался во многослаголаніе, вообще велъ себя, по выраженію Іоны Курносаго, „съ бойствомъ и велерѣчіемъ“. Тѣмъ не менѣе Антоній принялъ прошеніе Варлаама и подарки, привезенные имъ и Вѣтковцами, и даже будто бы назначилъ день хиротоніи. Наканунѣ этого дня между митрополитомъ и Варлаамомъ происходилъ такой разговоръ:

— Знаю, что ты изъ раскольниковъ, говорилъ Антоній. Но когда я посвящу тебя во епископа, какъ ты будешь меня разумѣть? Благочестивъ я или нѣтъ?

— Твое благочестіе съ тобой пребудетъ, а я въ чемъ стою, то со мной.

Антоній сообразилъ смыслъ рѣчи Варлаама и въ раздраженіи закричалъ:

— Такъ ты меня благочестивымъ не хохешь не только разумѣть, но даже и назвать! Фельдшера сюда!—Явившемуся фельдшеру приказано было обрить кандидату во епископа бороду и волосы на головѣ. Мало того, митрополитъ посадилъ его въ тюрьму, и угрожалъ оковами и рудниками

По поздѣйшему свидѣтельству іеромонаха Виталія, запла-тились бородами и Вѣтковскіе спутники Варлаама, но не были посажены вмѣстѣ съ нимъ въ тюрьму. Они-то потомъ и постарались освободить Варлаама изъ рукъ Молдавскаго митрополита, обращаясь къ разнымъ Молдавскимъ властямъ и прося похлопотать за злополучнаго старообрядческаго кандидата во епископа у митрополита. Это имъ не дешево стоило, такъ какъ въ Яссахъ, какъ и вездѣ въ то время, безъ подарковъ дѣло не обходилось. Освободившись изъ тюрьмы, Варлаамъ съ пустымъ чпагомъ убѣждалъ изъ Молдавіи и немалое время скрывался въ скитахъ у заграничныхъ раскольниковъ, пока не отросли у него борода и волосы. Пріѣхавши на Вѣтку, Варлаамъ и бывшіе съ нимъ спутники, предъ соборомъ изъ духовныхъ и мірянъ, рассказали все, что съ ними случилось въ Яссахъ. Не похвалили Варлаама Вѣтковцы за безтактные его разговоры съ митрополитомъ и его многоглаголаніе. „Ты все дѣло испортилъ“, сказали они ему въ заключеніе.

Скандалный исходъ послѣдней попытки не обезкуражилъ Вѣтковцевъ: они немедленно выбрали новаго кандидата во епископа и опять послали въ Яссы. Кто былъ этотъ третій кандидатъ—неизвѣстно: въ извѣстныхъ доселѣ источникахъ о „пропскахъ“ старообрядческаго архіерейства онъ не названъ по имени. Какъ изъ попытки 1730—1731 г. съ инокомъ Павломъ, такъ изъ попытки съ Варлаамомъ, Вѣтковцы ясно видѣли, что дѣлу ихъ отъ того больше успѣха нѣтъ, что Ясскій митрополитъ затрудняется посвятить имъ во епископа раскольника. Вотъ почему на этотъ разъ Вѣтковцы наказывали новому кандидату исполнять всѣ обряды, не принятые старообрядцами, и называть себя принадлежащимъ къ великороссійской церкви, лишь бы только получить желаемое архіерейство. „Послѣ исправу примешь и проклянешь ересь“, говорили они послѣднему кандидату во епископа. „Хоть присягу прими, а не дѣлай такъ, какъ Вар-

лаамъ: грѣхъ твой на всю церковь беремъ". Такъ успокаивали совѣсть смутившагося при этомъ кандидата во епископа.

И эта третья Вѣтковская попытка не имѣла успѣха въ Яссахъ. Какъ разъ въ это самое время усилились толки о подливательномъ крещеніи у грековъ и вообще въ заграничныхъ православныхъ церквахъ. Эти толки вызвала изданная Теофаномъ Прокоповичемъ книга: *„Истинное оправданіе православныхъ христіанъ, крещеніемъ подливательнымъ во Христа крещаемыхъ“* (Спб. 1724 г.)¹⁾. Теперь опять заговорили въ старообряд-

¹⁾ Полное заглавіе соч.: *„Истинное оправданіе православныхъ христіанъ, крещеніемъ подливательнымъ во Христа крещаемыхъ; не-праведно же и злобно, аки бы таковое илѣ крещеніе неважное было, невѣжами порицаемыхъ: многими доводами, отъ свѣщ. писаній, древнихъ учителей и исторій церковныхъ отъ разсужденія силы св. сего христіанскаго таинства и его съ таинствомъ евхаристіи соразсужденія, и отъ многихъ и различныхъ обстоятельствъ ясно показанное. (На оборотѣ). Напечатано въ царствующемъ Санктъ-Петербургѣ повелѣніемъ императорскаго священнѣйшаго Величества Петра великаго, отца отечества, императора и самодержца Всероссійскаго. Благословеніемъ же свят. правит. Синода 4го февраля въ 1724 году. Въ 4^ю, изъ лист. Было навеч. „и въ Москвѣ того же 4го февраля 1724 года въ 11 день“. Вторичное крещеніе погруженіемъ, при вступленіи въ православіе тѣхъ, кто крещенъ подливательно, установлено въ „Потребникъ иноческомъ“, изданъ въ Москвѣ 1637 г. Въ 1644 г. по этому поводу былъ споръ, возникшій въ слѣдствіе пребыванія въ Москвѣ Вольдемара, принца датскаго, и непризнаніе дѣйствительности крещенія подливательнаго внесено въ печатныя сборники, изд. въ Москвѣ 1648 г. (Слов. Дух. писателей, 11, 73—74; Обзор. славяно-русской библіографіи, № 503; Опис. книгъ Царскаго, стр. 252—256). При Петрѣ вопросъ рѣшили иначе, и въ старообрядческихъ сборникахъ XVIII в. встрѣчаются статьи противъ такого рѣшенія, что, вѣроятно, и побудило правительство издать „Ист. оправданіе“. Въ одной рѣш. Имп. Публич. Библ. (въ 8^ю № 1261) читаемъ: „въ великороссійскія церкви мигрополіяхъ, въ Киевскѣй и Словенскѣй тайна св. крещенія, яко въ погруженіи, тако въ обливаніи за едино и дѣйствуется и пріемлется, еже показуется въ книгахъ печати Киевскіхъ...; но древле-православныя церкви отъ писанія*

ческомъ мірѣ, даже и на Вѣткѣ, что въ Малороссіи и у Грековъ есть поливательное крещеніе, когда архіепископъ Теофанъ, самъ сущій поливанецъ, защищаетъ и похваляетъ

святого зрится, яко отъ св. апостолъ и св. отецъ три погруженія въ крещеніи предашася, обливанія же нигдѣ же видѣти повелѣно, но паче запрещено"... Затѣмъ идутъ ссылки и обычныя толкованія буквы св. писанія, при чемъ не забыто указаніе и на „Прашицу“ Пятирима, гдѣ дѣйствительно есть мѣсто, направленное противъ крещенія обливаніемъ. Заключение статьи таково: „новопечатныя книги непогруженна Христа отъ Предтечи, но облита исповѣдующе, несогласуютъ древленерковнымъ, а понеже не согласуютъ таковымъ св. мужамъ, убо и мудрствованіе ихъ о семъ намъ сомнительно является"... Въ предисловіи къ „Ист. оправданію“ Теофанъ Прокоповичъ употребилъ всю силу своего дарованія противъ учителей раскольническихъ, невѣжества и особенно не нравившеся ему законности ихъ. Имена главныхъ начальниковъ сектъ, попадающіеся въ этомъ предисловіи, достаточно ясно показываютъ, на кого мѣтили онъ въ своемъ предисловіи. Объясняя, почему полуграмотные люди всегда борются за толкованіе св. писанія, Теофанъ говоритъ: „когда слоговъ книжныхъ изучатся, и честь и писать могутъ, помышляютъ, что все уже получили и не осталось, чтобы имъ еще познать подобало: не вѣдая, какое пространное есть поле Ветхаго и Новаго Завета писаніе и коликаго труда требуетъ къ прочитанію своему..., къ изслѣдованію и проницанію всѣхъ своихъ главизнъ и силы ихъ. Какой же къ тому и помощи искать надлежитъ изъ книгъ многихъ древнихъ и новыхъ учителей богословскихъ, изъ толкованій, и исторій и прочихъ пособствующихъ дѣлу сему писаній! И мнѣніе таковыхъ невѣжей подобное весьма есть легкому мнѣнію дѣтскому: якоже бо малые отроки, а еще сельскіе, бѣгая близъ села своего и видя, что будто небо сошлося и совокупилося съ землею за недалекимъ лѣсомъ, помышляютъ, что тамъ-то и конецъ міра... Тако и невѣжливые чтецы или книжники, сколько до ихъ рукъ прійдетъ нѣкихъ тетрадей и тр неискусно сошитыхъ, по большей же части смѣха достойныхъ, напр., проповѣдей Аввакумовыхъ, сказокъ о двѣнадцати пятницахъ, притворныхъ откровеній, чудесныхъ ложныхъ повѣстей, суетныхъ нѣкихъ преданій и по-

такое, св. отцами не преданное, крещеніе. Эта книга, какъ извѣстно, соблазняла и православныхъ, а еще болѣе раскольниковъ. Соблазнился ею и новый Вѣтковскій кандидатъ во

чихъ басней. Сіи они, писаньяшки получивше, помышляютъ, что уже получили и обняли всѣ предѣлы мудрости и дошли до самаго дна богословія... Вина таковой продерзости есть киченіе, и чванство, и желаніе славы учительской. Сія вина не особъ дѣйствуетъ, но вышеупомянутой первой сопослѣдствуетъ. Помышляя бо бездѣльникъ о себѣ, что мудръ есть, желаетъ, дабы и всѣ тожъ о немъ думали и, яко премудра, славили и почитали... Того ради никакова въ разговорѣ съ людьми не упустить случая, въ которомъ бы мощно ему, какъ ворону, голосъ испустить. Писаніе толковать тщится. отъ книгъ будто отеческихъ, которыхъ не бывало. свидѣтельства произносить, но и безъ всякаго свидѣтельства своими умысломъ... поучаетъ—что вѣрнѣе, что хранить и чего блюстися подобаетъ. И видя простолюдины, что угодны къ прельщенію, а не имѣя самъ довольнаго къ пресыщенію ни ума, ни слова (какъ то имѣли еретики Арій, Несторій, Евтихій и пр.), во утвержденіе басенъ своихъ часто, ово лицемѣрно въздыхая, ово гордо поднимая бровь (кажется бо ему, что такъ мудрѣи дѣлаютъ); часто сихъ между разсказами своими рѣчей употребляютъ: великое дѣло богословіе! не всякъ постигаетъ глубину богословія! не всякъ знаетъ силу св. писанія! и пр. симъ подобныя. Се же того ради повторяетъ, дабы слышавшіи помышляли, что онъ тое все до дна знаетъ, а онъ—что есть писаніе, и что богословіе—такъ не вѣдаетъ, какъ подземный кротъ о дневномъ свѣтѣ!.. Наше домашнее зло вѣдше всѣхъ древнихъ устрашаетъ насъ. Что бо се видимъ въ Россіи нашей? Самые крайніе невѣжи, не пастыріе, учителя христіанствѣ, но слѣпые вожди и таковыя глупцы, которые и млека апостольскаго, т. е. первыхъ христіанскаго ученія начатковъ (млекою бо оныя нарицаетъ Павелъ) не вкусили, а именно Аввакумъ распопъ, Лазарь, Никита и прочіе возносили въ народъ, яко пьяные или бѣшенные, безумнымъ кликомъ; наплели безъ числа суевѣрій и неслыханныхъ преданій и весьма христіанству странныхъ, а отечеству нашему студныхъ и срамотныхъ догматовъ. Что же сдѣлалось, не получили вѣроятія? О стыденія твоего Россіе! Такъ многое число вѣрующихъ и вослѣ-

епископа, и по прибытіи въ Яссы сталъ прежде всего розыскивать, какъ крестить въ Молдавіи и у Грековъ: въ три погруженія или поливательно? Откуда родомъ митрополитъ Антоній и какъ онъ крещень? Вѣрно или невѣрно сказали ему, что Ясскій митрополитъ крещень поливательно? Не

довавшихъ себѣ получили, что мѣста не обрящемъ, гдѣ бы оныхъ лѣстцовъ не были наслѣдники и ученики, ово тайныя, ово же и явныя, которые хотя и сами отнюдь не знаютъ, что приѣмлютъ и что отсмещуть и на чемъ основаны стоять, однако же стоять на пути погибельномъ, аки бы обаянныя. И, понеже уже не вчера расколъ сей начался, внемли себѣ, благочестивый читателю, коликое душъ число слѣпыми, да злобыми упрямствомъ симъ погибло и погибаетъ. Толкое же въ народѣ нашемъ думелагубнаго блудства, аще который пастырь не видитъ, не дремлетъ онъ, но твердо спитъ, аще же видитъ и нерадитъ, весьма онъ духовнаго чувства, яко разслабленный, лишился“ .. Пекарскій, П. Наука и литер. въ Россіи при Петрѣ Вели., т. II. Спб. 1862 г. стр., 610—613. Опис. док. и д. хран. въ арх. св. Синод. т. III, стр. 432. И. с. п. и р. по в. прав. исп. т. III, № 1089, стр. 131. Какъ относились раскольники къ указанной книгѣ Теофана Прокоповича см. въ „Подметномъ письмѣ 1727 г.“, напечатанномъ въ приложеніяхъ къ ст.: „Ссылка кня. Меншикова“ (Отеч. Зап. 1861 г., №№ 1—2, стр. 3), а также въ раскольническомъ трактатѣ первой половины XVIII в.: „Пзъявленіе, чесо ради сомняемся о новодѣйствиюемомъ нынѣ въ Россіи крещеніи и для чего крещеніа, по новопечатнымъ книгамъ совершаемаго, не приѣмлемъ“. Ркп. Имп. Публ. Библ. (О. I. № 319). См. Отч. Имп. Публ. Библ. за 1889 г. Спб. 1893 г., стр. 162, лл. 15—30 об. Этотъ же обширный трактатъ упоминается въ „Обстоятельныхъ опис. славяно-росс. рукописей, хранящ. въ библ. графа О. А. Толстова“, Строева и Балайдовича, стр. 517 (рукоп. принадлежитъ нынѣ Имп. Публ. Библ., Q. I. № 345) и въ „Опис. ркп. библ. А. II. Хлудова“, составл. А. Поповымъ, стр. 530. Срав. въ Сборн. раскольническомъ (Цвѣтникѣ) XVIII в., въ 8 д. л., Имп. Пуб. Библ., л. 57 и д. опроверженіе по вопросу о крещеніи изъ книги „Оправданіе крещеніемъ поливательною во Христа крещаемыхъ, синодомъ сочиненной въ мѣсто 1724“. О. I. № 415.

желая получить хиротоніи отъ обливанца, онъ возвратился на Вѣтку и объяснилъ, почему онъ особенно и не хлопоталъ объ архіерействѣ. Не понравилось это объясненіе на Вѣткѣ, такъ какъ оно шло въ разрѣзъ съ давнишнимъ, усерднымъ желаніемъ Вѣтковскихъ старообрядцевъ имѣть своего епископа. „Они слышавши, прискорбни бѣша“, говоритъ Іона Курносый въ своей „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“¹⁾.

То, о чемъ долго думали и мечтали и чего такъ усиленно искали Вѣтковскіе старообрядцы, наконецъ легко и удобно для нихъ осуществилось въ лицѣ дѣйствительнаго епископа,

¹⁾ *Іона Курносый*, авторъ второй „Исторіи о бѣгств. священствѣ“, напечат. въ наибольшей своей части Г. В. Есиповымъ: „Раскол. дѣла XVIII ст.“ (т. II, въ приложеніи, стр. 177—189). Недостающій у Есипова конецъ исторіи Іоны Курносаго пересказанъ Мельниковымъ въ его „Ист. оц. поповц.“, ч. I, М. 1864 г. и статьяхъ его въ Рус. Вѣст. за 1864—1867 гг. О послѣднихъ двухъ попыткахъ Вѣтковцевъ пріобрѣсть себѣ епископа болѣе полныя указанія только находятся у Іоны Курносаго; ни Иванъ Алексѣевъ, ни протоіерей Журавлевъ о нихъ не говорятъ вовсе. Относительно Варлаама нѣкоторыя указанія находятся впрочемъ въ вышеуказанномъ рукопис. сочиненіи монаха Виталія—„О перкви и старообрядцахъ“. Именно здѣсь разсказывается о попыткѣ Варлаама слѣд. „По совѣту всѣхъ отправленъ бысть изъ Спасовой слободы іеромонахъ Варлаамъ съ прочими въ Яссы же для поставленія во епископа и просили митрополита, да освятить. Но когда же узнано объ умыслѣ ихъ, что оне подходятъ коварно и не согласны со св. соборною Грекоросс. церковью, то приказано было задержать таковыхъ снискателей и сдѣлать насмѣшку надъ ними такову: Варлааму, ставленнику тому, остричь бороду и волосы на головѣ, понеже безбородый, аки евнухъ; а тѣмъ бороды, чтобы прочимъ не повадно. Однако Русь могуча: познавше то, скоро убѣжали“. Л. 81 и об. Особенно важно для исторіи архіерейства у старообрядцевъ „Письмо соборнаго старца, первѣйнаго во время собранія или соборованія о нужныхъ случаяхъ застѣдателя“. Ч. I, стр. 91—93...

хотя и обманнымъ образомъ сдѣлавшагося таковымъ. Въ то время, какъ Вѣтковцы тщетно и съ большими издержками хлопотали предъ Иескимъ митрополитомъ и Константинопольскимъ патріархомъ о поставленіи старообрядческаго епископа, Московскіе старообрядцы-поповцы, находившіеся въ то время въ тѣсномъ общеніи съ Вѣтковскими, натолкнулись на готоваго епископа въ самой Москвѣ. То былъ столь извѣстный въ исторіи поповщинскаго раскола епископъ *Елифаній*, именуемый епископомъ Чигиринскимъ и Украинскимъ, который принялъ епископскій санъ въ Волощинѣ у Молдавскаго митрополита Георгія 22-го іюля 1724 г.¹⁾ По

¹⁾ По свидѣтельству Ивана Алексѣева, Елифаній, бывший раскольническимъ архіереемъ на Вѣткѣ „лѣта 7242“, получилъ санъ епископа отъ Молдавскаго митрополита Георгія 22-го іюля 1724 г. Эта дата согласно принимается протоіереемъ Журавлевымъ въ его „Полю. ист. изв. о древ. стриг. и нов. раскол.“, изд. 1855 г., ч. III, стр. 20; преосвящ. Макаріемъ, авторомъ „Ист. рус. раск.“, стр. 301; П. И. Мельниковымъ, „Ист. оч. поповц.“, ч. I, стр. 103 и 105; проф. Ивановскимъ въ его „Руков. по ист. и облич. старообр. раск.“. Каз. 1887 г. стр. 143. Г. Стрѣльбицкій, авторъ „Ист. рус. раск.“ (Одесса, 1889 г.), утверждаетъ, и вполнѣ несправедливо, что Елифаній былъ рукоположенъ во епископа 22 іюля 1722 г. (стр. 163)—Источниками объ Елифаніи какъ старообрядческомъ епископѣ служатъ официальные документы, собранные отчасти еще въ XVIII в. Главнѣйшіе изъ нихъ были напечатаны А. И. Журавлевымъ въ его „Полн. историч. изв. о раскол.“ Изд. VI. М. 1890 г., ч. III, стр. 181—192. Тѣже самые документы и въ рукоп. сочиненіи монаха Виталія „О церкви и старообрядцахъ“, гл. 14, стр. 81—93. Въ полномъ видѣ дѣло Елифанія иллюстрируется въ издан. св. Синодомъ „Опис. док. и д., хранящ. въ арх. св. Синода“ и „Полн. собр. постановл. и распоряж. по вѣдом. прав. испов.“ которыми мы главнымъ образомъ и пользуемся въ данномъ случаѣ. Кроме того, въ Москов. арх. мин. ин. дѣлъ, въ такъ назыв. „новыхъ малороссійскихъ дѣлахъ“, находится „прошеніе монаха (разстриги) Елифанія о прощеніи вины, освобожденія изъ подъ стражи и увольненія по общанію его“. Св. 69, 1727 г., № 82.

своему общественному положенію въ южно-русской церкви это былъ „бискупъ хловской вѣры“, какъ пренебрежительно называли униаты и униатскіе епископы православныхъ „бродячихъ архіереевъ“, появившихся отъ времени до времени въ южно-русскихъ и западно-русскихъ областяхъ Польши среди православнаго сельскаго и городского населенія. Обыкновенно такіе архіереи бродили по православнымъ приходамъ и монастырямъ для отправления богослуженія, иногда даже съ разрѣшенія униатскихъ архіереевъ. Къ этимъ „бродячимъ архіереямъ“ принадлежалъ и Елифаній, попавшійся въ началѣ 1733 г. въ Москвѣ въ руки старообрядцевъ и сдѣлавшійся первымъ старообрядческимъ на Вѣткѣ епископомъ, не смотря на то, что ему, какъ южно-руссу, болѣе или менѣе тронутому образованіемъ, были въ сущности противны русскіе церковные отщепенцы — раскольники. Трагическимъ характеромъ вообще отзывается судьба этого русскаго монашествующаго авантюриста первой половины XVIII в.

Елифаній, въ мѣрѣ Евстафій Яковлевъ Ревуцкій, изъ казаковъ Лубенскаго полка, стало быть чистокровный малороссіянинъ, родился около 1685 г. и первоначальное воспитаніе и обученіе получилъ въ г. Пирятинѣ, Полтавской губерніи. Монашество принялъ „въ святой Софіи“ отъ митрополита Варлаама Ясинскаго и черезъ нѣсколько времени посвященъ былъ въ іеромонахи. При митрополитѣ Іоасафѣ Кроковскомъ онъ занималъ игуменства Маньковское и Козелецкое, а при архіепископѣ Варлаамѣ Вонатовичѣ — Скульское, и пользовался такою благосклонностью послѣдняго, что сдѣлавъ былъ экономомъ архіерейскаго дома, и, какъ человѣкъ знающій толкъ въ приказныхъ дѣлахъ, заведывалъ канцелярією архіепископа. Не долго, впрочемъ, ему пришлось занимать довольно видное и вліятельное положеніе въ обширной и въ то время Киевской епархіи: именно онъ скоро былъ обвиненъ монахами Козелецкаго монастыря въ

растратѣ 240 руб. монастырскихъ денегъ и въ расхищеніи монастырскаго имущества, а монастырскою коровницею— въ незаконномъ прижитіи съ нею ребенка. Виновникъ такого соблазна, по запрещеніи священнослуженія, былъ преданъ суду, исходъ котораго могъ плохо окончиться для виновнаго монаха¹⁾. Въ виду этого, прежде окончанія начавша-

¹⁾ Иона Курносій поводъ къ обвиненію Епифанія и первоначальный ходъ его дѣла передаетъ такъ: „за непорядки, пьянство и за растлѣніе насильно чистыя дѣвы изъ священства и экономства своими обливанцами извержена бывша, и по изверженіи, по сердцу сказующа на своихъ важное дѣло, изловленъ, и, сидѣвъ долго, приговоренъ къ розыску, и поспѣшившу милостивому указу отъ розыску и сѣденія свободенъ“. Мельниковъ, Ист. оч. поповщ. 1, 98, примѣчаніе. Въ дѣлѣ св. Синода объ учиненіи монаху Епифанію Яковлеву Ревуцкому наказанія плетьюми и объ отсылкѣ его въ Соловецкій монастырь, отъ 8 января 1733 г., выставлено слѣд. 8 винъ за Епифаніемъ: 1) Будучи онъ Кіевской епархіи, въ Козелскомъ монастырѣ забралъ монастырскаго казны 240 р., и родственникамъ своимъ раздавалъ монастырское иждивеніе. 2) Съ дѣвкою явился въ блудодѣянніи. 3) Взялъ изъ Кіевской губернской канцеляріи пашпортъ о пропускѣ ево на заставѣ черезъ караулъ, будто до Триполья, для осмотра дѣловой вотчины, и протѣхавъ оной караулъ, бѣжалъ за границу Лядскую. 4) За Днѣпромъ будучи въ г. Сорокѣ, вымысломъ написалъ своею рукою письмо, будто отъ Кіевскаго архіерея къ Ясскому митрополиту, чтобы онъ посвятилъ ево во епископы, и именемъ ево подѣлъ тѣмъ письмомъ подписался и печать Софійскую нарисовалъ и вырѣзалъ, то письмо воровски самъ запечаталъ; также и другія фальшивыя письма писалъ же. 5) Въ томъ же году написалъ ложныя на св. Синодъ клеветы: а) все-де духовенство на Украинѣ желаетъ по прежнему митрополита, а св. Синодъ, невѣдомо ради какихъ причинъ, убавилъ чести митрополіи Кіевской и учинилъ архіепископство; б) запретили во всей Россіи за патріарховъ молиться и почитать ихъ; в) а наипаче отъ Синода установлено Кіевскому архіерею ѣздить къ Москвѣ на годовую священнослуженія чреду, а въ Кіевѣ для постарленія поповъ быть не кому. 6) Приѣхавъ въ Яссы, вышеупомянутому м-ту своеручно

гося дѣла, въ началѣ іюня 1724 г., по отъѣздѣ архіепископа Вонатовича изъ Кіева для обозрѣнія епархіи, Епифаній, получивъ обманомъ изъ кіевской губернской канцеляріи пашпортъ для проѣзда будто бы до Триполья, съ цѣлью осмотра архіерейскихъ вотчинъ, бѣжалъ „за границу лядскую“, задумавъ сдѣлаться „бродячимъ архіереемъ“. Въ Умані онъ открылъ свою тайную мысль тамошнему намѣстнику и знакомымъ священникамъ, что ѣдетъ въ Волошскую землю „за благословеніемъ“ на епископію Чигиринскую и Украинскую. „Бродячіе епископы“, вслѣдствіе ненормальныхъ условій тогдашняго положенія православныхъ подъ польскимъ владычествомъ, покровительствовавшимъ уни, были такимъ обыкновеннымъ явленіемъ, что мысль Епифанія сдѣлаться такимъ архіереемъ никого не удивила. Уманскіе священники не только одобрили намѣреніе Епифанія, но и исходатайствовали чрезъ Уманскаго намѣстника у Львовскаго епископа Аѳанасія Шептицкаго письменное дозволеніе на невозбранное поставленіе священниковъ во всей Украинѣ¹⁾. Не ограничиваясь согласіемъ этого епи-

написанное письмо подаль, и тѣмъ м-томъ, по тому письму, во епископа на Украину и въ Чигиринъ онъ въ 1724 г. іюля 22 посвященіе получилъ. 7) Отъѣхавъ отъ того м-та изъ Яссы, на Украинѣ бывъ, посвятилъ во іеродіаконы и попы больше 14 чел. 8) Будучи въ Волоской землѣ, писалъ ко Львовскому и Володимірекому епископамъ (уніатамъ) письма, представляя себя подъ ихъ протекцію, и просилъ о позволеніи житія въ ихъ епархіяхъ, для посвященія въ попы“. П. с. п. и р. по вѣд. правосл. испов. т. V, № 1642, т. VIII, № 2674, стр. 2.

¹⁾ Въ экстрактѣ дѣла объ Епифаніи, сдѣланномъ въ канцеляріи св. Синода, по этому поводу сказано: „Привезли къ нему, Епифанію, дому оного Львовскаго епископа съ Немирова отъ архидиакона письмо..., что ежели онъ, Епифаній, можетъ получить благословеніе на Чигиринскую епископію, то невозбранно будетъ во всей епархіи Львовской, Украинской и повѣтъ Уманскомъ прилучающихся въ попы посвящать“... Ibidem.

скопа и для большей очевидности и достовѣрности своего ходатайства, Елифаній въ Бессарабскомъ городѣ Сорокахъ составилъ подложную грамоту къ Ясскому митрополиту отъ имени Кіевскаго архіепископа и представилъ ее потомъ по адресу съ приложеніемъ фальшивой Софійской печати и трехъ патентовъ на вышесказанныя игуменства. Грамота эта составлена съ знаніемъ и пониманіемъ тогдашняго политическаго положенія Украины и того недовольства, которое затаенно дѣйствительно существовало давно противъ отношеній русской власти къ южно-русскому духовенству, именно со времени отчисленія Кіева и Малороссіи изъ вѣдѣнія Константинопольскаго патріарха, и особенно усилилось со времени учрежденія Св. Синода. Въ этихъ видахъ Елифаній отъ лица Кіевскаго архіепископа писалъ: „нарочно писалъ я къ преосвященному Львовскому, объявляя поведеніе Украины, которая прежде была подъ вѣдѣніемъ Кіевской епархіи, а когда Императорское Величество отдалъ во владѣніе королю Польскому, тому уже дѣтъ съ тридцать,—въ другомъ случаѣ сказано—тринадцать и, кажется, вѣрнѣе,—знатные города: Вугуславъ, Лисянку, Корсунь, Вѣдую Церковь, Хвостовъ (Фастовъ) и прочіе города и села и Чигиринъ, гдѣ въ прежніе годы были епископы Кіевскіе, то вся та Украина, не имѣя своего пастыря, пребываетъ безчинно, и въ ней много явилось несвященныхъ поповъ, а которые отъ священнослуженія отлучены—священнодѣйствуютъ по прежнему¹⁾. И это отъ того, что Львовскій епи-

¹⁾ Въ первомъ случаѣ здѣсь разумѣется договоръ 1686 г. съ Польшею, напечатанный еще въ XVIII в. въ десятичномъ сборникѣ Туманскаго. Заглавіе сборника: „Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ Государя Императора Петра Вел.“ Изд. трудами и издженіемъ Ѳедора Туманскаго. Спб. 1787—1788 гг. Договоръ напечатанъ въ X т. Нѣкоторые указанія о ходѣ изданія см. у Державина, Сочиненія, изд. Ак. Наукъ, V, 574, 662,

скопъ запретилъ всѣмъ ставленникамъ принимать священство отъ великороссійскихъ и малороссійскихъ архіереевъ, а велѣлъ имъ приходить для этого во Львовъ, куда они однако нейдутъ, какъ за дальностію пути, такъ наипаче ради опрѣсночнаго служенія, предпочитая на свою пагубу совершать священныя тайны безъ посвященія. О таковомъ нестроеніи и распутствѣ самозванныхъ поповъ писалъ я къ еп. Львовскому, прося его здраваго совѣта, а его преосвященство хотя и не вручилъ мнѣ вѣдомствомъ тѣхъ поповъ, однакожъ, чтобъ не было между Императорскимъ Величествомъ и королемъ Польскимъ нарушенія договоровъ, позволялъ посвятить на епископію іеромонаха и послать въ Чигиринъ, гдѣ прежде епископы живали. И по тому епископа Львовскаго согласію посвятить епископа въ Кіевѣ невозможно, понеже отъ Св. Синода не токмо во епископа посвятить, но и въ монахи во всей Малой Россіи постригать запрещено. Того ради смиренно молю, да благоволите сего свидѣтельствованнаго законника нашего, святософійскаго іеромонаха Епифанія посвятить во епископа и дать ему патентъ за подписью своей руки и наименовать епископомъ Чигиринскимъ и Украинскимъ; а ежели въ Яссахъ обрѣтается патріархъ какой изъ Палестины греческой, то

680. Шмурло, Е. Петръ Вел. въ рус. лит. Спб. 1889 г., стр. 83. Еще въ началѣ 1711 г. чрезвычайный и полномочный посолъ польскій, Воловичъ, маршалъ Литовскій, объявилъ въ Москвѣ царскимъ министрамъ, между прочимъ, и такія требованія, чтобы отданы были Польшѣ украинскія крѣпости: Бѣлая Церковь, Хвастовъ, Брославль, Немировъ, Богуславъ, какъ и города на правомъ берегу Днѣпра: Чигиринъ, Каневъ, Трахтемировъ, Мошны, Сокольніцы и др., стоящіе теперь пустыни. Позже, подъ вліяніемъ новой грозящей войны съ Турціей, заключенъ былъ договоръ съ Польшей, обезпечивающій опасность съ этой стороны, именно въ 1713 г. Ист. Рос. Соловьева, т. XVI, стр. 64 и д.

бъ и митрополитомъ его посвятить и бѣлый клобукъ ему дать, понеже, невѣдано для какихъ причинъ, Св. Синодъ, унявъ чести митрополіи Кіевской, перевелъ ее на архієпископію и запретилъ во всей Великой и Малой Россіи молиться за патріарховъ и не почитать ихъ. А мы съ духовенствомъ желаемъ, по прежнему, на Украинѣ митрополита, и какъ онъ, Епифаній, въ близости будетъ жить отъ Кіева, то всегда можетъ присутствовать въ домѣ нашемъ при духовныхъ дѣлахъ, и во время нашего отъѣзда въ Москву на годовую чреду священнослуженія, замѣнить насъ въ Кіевѣ“¹⁾

¹⁾ Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. IV, № $\frac{476}{217}$ стр. 482—483. Интересно, что архієп. Варлаамъ самъ писалъ въ 1725 г. въ св. Синодъ о разрѣшеніи постригать въ монашество студентовъ безъ трехлѣтняго искуса, по причинѣ оскудѣнія монаховъ, по доношеніямъ ректора коллегіума Боголюбскаго братскаго монастыря іером. Іосифа и Свято-Никольскаго Пустынно-Кіевскаго монастыря иг. Христофора. Первый доносилъ, что 11 изъ его „пановъ дисципуловъ“, оканчивающихъ богословское „четверолѣтнее“ ученіе, желаютъ „въ чинъ монашескій“, но только смущаются трехлѣтнимъ монастырскимъ искусомъ и запрещеніемъ изъ св. Син. постригать въ монашество, прося вмѣнить имъ за искусъ постоянное, въ продолженіе 12 и болѣе лѣтъ обученіе, *„понеже зѣло великое оскудѣніе литератовъ въ нашихъ обителяхъ Кіевскихъ обрѣтается“*. Оба ходатайства были уважены св. Синодомъ; относительно же указа отъ 28 января 1723 г. о запрещеніи постригать въ монашество Синодъ объяснилъ, что онъ относится къ великороссійскимъ монастырямъ, а не малороссійскимъ, такъ какъ въ тамошніе монастыри опредѣлено посылать на пропитаніе отставныхъ солдатъ, а въ малороссійскіе монастыри солдатъ не посылаютъ. Оп. д. и д., хран. въ арх. св. Син. т. V, стр. 106—109. Ср. П. с. п. и р. по вѣд. пр. исп. рос. ямп. т. V, № 1490. Характеристика Варлаама Вонатовича мастерски сдѣлана г. Е. Крыжановскимъ въ ст.: „Феофанъ Прокоповичъ и Варлаамъ Вонатовичъ“. (Тр. К. Д. Ак. 1861 г., апр., стр. 279 и д.). Это былъ человѣкъ простой, неученый, чуждавшійся всякаго общества и любившій только уединеніе и подвижническія

Грамота эта датирована 28-мъ мая, а 22-го іюня того же 1724 г. Молдавскій митрополитъ Георгій въ сослуженіи съ епископами: Романскимъ Аванасіємъ и Гусскимъ Орестомъ въ Ясскомъ кафедральномъ соборѣ возложилъ на Епифанія омофоръ. При отпускѣ митрополитъ Георгій снабдилъ новопоставленнаго епископа Чигиринскаго и Украинскаго обычною „ставленою“ грамотою, „съ словеснымъ приказаніемъ, что ежели онъ присягнетъ на унію, то будетъ анаема, а ежели подвергнется гоненію, то бѣ перемѣнить епархію“. Съ 15 августа Епифаній принялся за исполненіе своихъ епископскихъ обязанностей; прежде всего въ Лысянкѣ, по прошенію тамошняго игумена, онъ посвятилъ въ приходской церкви двухъ монаховъ—одного въ іеромонаха, а другого—въ іеродіакона: въ Богуславѣ поставилъ одного, попа и одного іеродіакона. „И какъ узнали, что онъ епископъ, понасыпали къ нему ставленниковъ изъ разныхъ мѣстъ, которыхъ онъ и посвятилъ больше десяти человекъ“. Протоіерей Журавлевъ первый пустилъ въ оборотъ извѣстіе, что въ это время Епифаній познакомился съ раскольниками, которые, нуждаясь въ священникахъ, просили его посвятить избранныхъ ими лицъ.—извѣстіе, неоправдываемое официальными данными и невѣроятное само по себѣ, хотя и постоянно повторяемое нашими историками раскола. Посвященные Епифаніємъ ставленники въ Лысянкѣ и Богуславѣ были православными и южно-русскими людьми. а не великороссійскими раскольниками ¹⁾.

занятія. На Киевской кафедрѣ Вонатовичъ не только чуждался общества, но и рѣдко допускалъ къ себѣ подчиненныхъ, сдалъ всѣ дѣла по епархіи консисторіи и сносился съ нею единственно чрезъ своего писаря, такъ что сами члены консисторіи рѣдко могли его видѣть. Писаремъ, вѣровавшимъ всѣмъ дѣлами по Киевской епархіи, былъ нѣкоторое время у Вонатовича и Епифаній Ревуцкій.

¹⁾ Журавлевъ, ч. III, стр. 27. Мельниковъ, ч. I, стр. 103, говоритъ, что на Украинѣ Епифаній, разумѣется, „не даромъ“,

Не долго однако Елифанію пришлось дѣйствовать по епископски въ югозападныхъ областяхъ тогдашней Польши. Чтобы не навлечь на себя непріятностей со стороны мѣстныхъ униатскихъ архіереевъ, онъ принужденъ былъ, назвавшись „странствующимъ епископомъ, идущимъ до Кіева“ обратиться къ униатскому архіепископу Владимірскому Кишкѣ и епископу Львовскому Шептицкому съ просьбою „о протекціи и дозволеніи жить на Украинѣ, и ставить поповъ“. Въ отвѣтъ на эту просьбу комиссаръ Владимірскаго архіепископа, Овручскій архимандритъ, прислалъ въ

въ продолженіе какого либо мѣсяца поставилъ раскольникамъ 14 поповъ и дьяконовъ. Тоже повторяетъ за Мельниковымъ и проф. Ивановскій въ своемъ „Руков. по ист. и облич. старооб. раск.“, Казань 1887 г., стр. 143. Платонъ Асоанцковичъ, еп. Будимскій, въ своей „Повѣсти краткой и достовѣрной о расколницѣхъ, на соблазнъ и позоръ правосл. нашея восточ. церкви въ сія послѣднія времена прошибающихъ“ (Будимъ, 1848 г.), рассказываетъ, что раскольники, не обрѣтая нигдѣ православныхъ іерарховъ, которые бы пожелали воспріять жезлъ пастырства надъ ними, „отриновенніи и прогнаніи отсюду, умыслиша наконецъ восхитити лестію и обманомъ, еже прямо получить не можаху—се како то калогера нѣкоего, развратника и піяницу, златомъ многими купивше и посылають во страну Молдаво-Валахійскую во градъ Гасси къ м-ту тамо священноначальствующему, ему же и писаніе нѣкое лживое, аки бы отъ православнаго митр. Кіевскаго въ Россіи, составивша и препоручивша, да оного дстца посвятить во епископа въ нѣкій градъ Кіевскія области... Изшедшій обаче на ловитву сей окаанный лжепастырь, именовавшійся *Елифаній*, не-возможно утвердился нигдѣ же, не точію въ державѣ Россійстѣй, но ниже и во странахъ полскихъ и турецкихъ, идѣже расколники живяху... сие принужденъ бѣ калогерь Елифаній сей скитатися, бѣгая отъ страны въ страну и крыясь во пристанищахъ раскольниковыхъ, дондеже ятъ бысть яко скитница и возмутитель, и въ заточеніе ввержень, идѣже злохудожную душу свою заъ испуститъ“. Стр. 13—14.

Лислянку къ Епифанію своего законника, „который крѣпко держалъ его цѣлую недѣлю подъ арестомъ, и до тѣхъ поръ не отпускалъ, пока онъ не явилъ ему своей ставленой грамоты“. „Въ яковомъ гоненіи“, говоритъ далѣе Епифаній въ своемъ показаніи, „по нуждѣ моей, переписалъ на бланкетѣ грамоту, называющуюся Гусскимъ Волошскимъ епископомъ, а не Чигиринскимъ, а тую грамоту спалилъ, боячися же бы не усиливали присягати на унию и за то не подпасти проклятію митрополитанскому; а какъ законникъ отѣхалъ до офиціала, то онъ, ради благочестія, ушелъ до Кіева“. Въ концѣ сентября того же 1724 г. Епифаній былъ уже въ Кіевѣ, и, предъявивъ Кіевскому архіепископу Варлааму Вонатовичу, „предстателю паствы словесныхъ овецъ, учителю, отцу и пастырю“, ставленную грамоту, составленную имъ въ Лислянкѣ и написанную на турецкой бумагѣ малороссійскими литерами, просилъ отпустить его за Днѣпръ, въ Скельскій монастырь, гдѣ прежде онъ игуменствовалъ. Однако Вонатовичъ, не смотря на свое прежнее покровительство Епифанію, „видя его не епископа, а бѣглеца суща“, по совѣту съ кіевскимъ губернаторомъ княземъ Ив. Юрьевичемъ Трубецкимъ и „съ духовнымъ консисторомъ своимъ, велѣлъ взять его въ хлѣбню на цѣль“, гдѣ Епифаній и общилъ вышеизложенныя свѣдѣнія о приобрѣтеніи имъ епископства, подписавъ свое показаніе такъ: „недостойный епископъ Епифаній Яковличъ, брѣнною рукою“¹⁾.

¹⁾ Сажанье на цѣль, при современномъ взглядѣ на вещи, кажется чѣмъ-то дикимъ, жестокимъ, тяжелымъ наказаніемъ. Въ древней Руси, какъ и въ XVIII в., сажанье на цѣль было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ: это было даже не наказаніе, а порвая или низшая исправительная мѣра. Вездѣ, во всей Россіи, въ деревняхъ, въ городахъ, въ приказахъ, канцеляріяхъ, при первомъ „противномъ“ поступкѣ, сейчасъ сажали на цѣль. Это было такъ общепринято, что даже въ присутственныхъ мѣстахъ, въ случаѣ грубости или пьянства какого нибудь подъячато или ко-

Прежде донесенія Св. Синоду о дѣлѣ Епифанія, кіевскій архіепископъ запросилъ грамотой Молдавскаго митрополита, и послѣдній отвѣтилъ, что дѣйствительно Епифаній хиротонисованъ имъ въ санъ епископа, но не Русскаго, а Чигиринскаго, и хиротонія учинена „не ради мзды и пріятія даровъ“, а вслѣдствіе принесенной имъ братской грамоты его, кіевскаго архіепископа ¹⁾. Въ такомъ смыслѣ Варлаамъ Вонатовичъ и донесъ о дѣлѣ Епифанія Св. Синоду. Послѣдній потребовалъ его „для надлежащаго розыска“ въ С.-Петербургъ. 12-го сентября 1725 г. Епифаній лишенъ сана и отосланъ въ юстицъ-коллегію. 16-го іюня 1726 г., вслѣдствіе особаго ходатайства вице-президента Св. Синода архіепископа Теофилакта Мопатинскаго, съ Высочайшаго соизволенія, Св. Синодъ постановилъ: „означеннаго разстригу Евстафія, для поминовенія и вѣчно достойныя памяти Императорскаго Величества (Петра Великаго) и для многолѣтняго здравія Ея Императорскаго Величества отъ розыска и наказанія учинить свободна, а... за его важныя вины, на волю его не освобождая, послать его въ Соловецкій монастырь и содержать тамъ до смерти неисходно“,... Но и этотъ сравнительно въ то время мягкій приговоръ не приводился въ исполненіе почти цѣлый годъ. 30-го іюня 1727 г. разстрига Евстафій ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ о возвращеніи ему монашескаго чина: Синодъ разрѣшилъ ему

ніста, секретарь безъ всякаго дальнѣйшаго разговора сажалъ его на цѣпь—до повинной или до протрезвленія. Въ монастыряхъ православныхъ и старообрядческихъ это было также общеупотребительнымъ исправительнымъ наказаніемъ

¹⁾ Хиротонія дѣйствительно обошлась Епифанію очень не дорого. Онъ далъ митрополиту „два куля (мѣха) себерчатые да денегъ 50 талерей, а прочимъ его служителямъ монахамъ давалъ на рясы мухояру, чтобы старались у него, митрополита“. Опис. докѹм. и д., хранящ. въ арх. св. Синода, т. IV, ст. 483.

быть простымъ монахомъ и именоваться по прежнему Епифаніемъ, и ради того же поименованія Петра I велѣно было возвратить ему клобукъ и камилавку. Въ Соловки Епифаній былъ отправленъ въ самомъ концѣ 1727 г. и пробылъ тамъ года полтора съ небольшимъ. 26-го іюня 1729 г. онъ въ толпѣ богомольцевъ оставилъ негостепріимный для него Соловецкій островъ и отправился на другой конецъ тогдашней Россіи, гдѣ хотѣлъ пробраться за польскую границу, но былъ снова схваченъ. Именно въ сентябрѣ того же года онъ былъ схваченъ на форпостѣ у Каневского перевоза черезъ Днѣпръ и представленъ въ Переяславскій архіерейскій домъ, гдѣ и сознался въ бѣгствѣ изъ Соловецкаго монастыря и въ намѣреніи тайно пробраться въ Польшу. Изъ Переяславскаго ареста Епифаній черезъ мѣсяцъ ушелъ за Днѣпръ въ Корсунъ и Лисянку, началъ здѣсь переговоры „съ ктиторами церковными и мѣщанами“ о томъ, чтобы ему, Епифанію, быть Украинскимъ архіереємъ, и даже ѣздилъ съ двумя Лисянскими монахами съ просьбою о томъ къ Львовскому униатскому архіерею Аонасію Шептицкому. Послѣдній „уговаривалъ его присягнуть на унию, съ обѣщаніемъ архіерейства, и назначилъ ему для прожитія Креховскій монастырь, гдѣ онъ и жилъ почти цѣлый годъ“. Въ началѣ 1731 г. Епифаній опять очутился въ лѣвобережной Украинѣ, гдѣ былъ снова схваченъ 20-го февраля въ одной изъ вотчинъ Густынского монастыря, отправленъ въ оковахъ въ Кіевскій архіерейскій домъ, а отсюда доставленъ въ Московскую синодальную канцелярію, гдѣ и содержался съ ноября 1731 г. по 6-е февраля 1733 г. Здѣсь-то онъ впервые и познакомился съ старообрядцами—поповцами, предложившими ему перейти къ нимъ и поселиться у нихъ на Вѣткѣ въ тамошнемъ старообрядческомъ монастырѣ. Здѣсь Московскіе и Вѣтковскіе раскольники, когда Епифаній согласился быть архипастыремъ всего старообрядства, учили

непривычнаго южнорусса своимъ старымъ обрядамъ, чтобы послѣ, когда будетъ священнодѣйствовать на Вѣткѣ, не произвелъ какого-либо несвойственнаго старообрядству соблазна.

М. Лилеевъ.